

Николай Марчук

ЗАДАЧА БУДЕТ ВЫПОЛНЕНА!
КРЫМСКИЙ КОТЕЛ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Николай Марчук

Задача будет выполнена!
Крымский котел

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марчук Н.

Задача будет выполнена! Крымский котел / Н. Марчук —
«Издательство АСТ», 2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153495-0

Пламя Третьей мировой войны полыхнуло жарко и ярко! Объединенный Запад ударил первым, нанеся сокрушительный ракетно-бомбовый удар по Российской Федерации. Россия не пала, выстояла. Пришло время бить в ответ. Рота российских добровольцев уходит в рейд по глубоким тылам противника. Каждый из них знает, что к своим он уже не вернется. Они должны отвлечь на себя внимание врага от места нанесения главного удара. И пусть их всего сотня, а врагов в тысячу раз больше... Задача будет выполнена! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153495-0

© Марчук Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие	7
Пролог	11
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Марчук

Задача будет выполнена! Крымский котел

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 234

Издательство
АСТ

© Николай Марчук, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Февраль 20... г.

Война началась неожиданно! Впрочем, как всегда. Никогда такого не было, и вот опять! Ряд стран, объединенных в Западную коалицию, начали полноценное военное вторжение на территорию Российской Федерации. То, о чем предупреждали военные специалисты, политологи, разведчики и даже простые граждане, живущие в европейских странах, то, о чем кричали из каждого «утюга» все эти говорящие головы и эксперты, случилось!

Война началась! Третья мировая война!

Россию не спас ее ядерный статус, не спасли ее размеры и могущество армии. Враг, в лице ряда западных стран, посчитал, что все это неважно, когда речь идет об их благополучии. Если Запад решил сохранить свое владычество над планетой, то он пойдет на все. Запад пойдет до конца!

Многие не верили, что Третья мировая война может начаться, но они ошиблись. Война началась!

В 4:20 по МСК... февраля 20... года по территории Российской Федерации и признанных ею республик Донбасса был нанесен массированный ракетно-бомбовый удар с применением ядерных боезарядов.

Нашу страну не спасло даже то, что мы демонстративно показали всему миру, что готовы на все. Россия признала ДНР и ЛНР, заключила с ними договор о взаимопомощи... и тут же получила ядерный удар по своей территории.

Видимо, не надо было российскому руководству расшаркиваться перед Западом и оставаться верными дипломатическим и правовым традициям. Надо было вначале ударить по врагу, а потом уже, после освобождения всей территории Донбасса и левобережной Украины, признавать ДНР и ЛНР. Так было бы правильнее. Но все получилось так, как получилось.

Мы обозначили свои красные линии, предупредив Запад, противник все понял и тут же ударил первым.

Перед началом полномасштабной войны по периметру границ Российской Федерации в течение нескольких месяцев вспыхнул ряд военных конфликтов и протестных движений.

Конфликт на границе Таджикистана и Киргизии. Власти Киргизии приступили к эвакуации жителей ряда приграничных с Таджикистаном поселков из-за обстрелов.

На границе Армении и Азербайджана вспыхнули боевые действия. Армения сообщает об артобстрелах противника, а по версии Азербайджана, ночью были замечены армянские диверсанты, после чего завязался бой.

Вооруженные силы республики Молдова перешли границу ПМР, вследствие чего завязались приграничные бои.

В Грузии, Белоруссии и Казахстане одновременно вспыхнули уличные протесты и массовые беспорядки. Протестующие требовали смены власти, блокировали государственные учреждения, громили и грабили магазины. Казахстан запросил помощи у ОДКБ, в Астану был выслан миротворческий контингент, состоящий из российских, белорусских и армянских военных.

Поскольку высшее политическое руководство РФ должно было реагировать на все эти события, а с частью стран бывшего СНГ Россия была связана договорами о сотрудничестве и взаимопомощи, то началась массовая переброска российских войск к зонам напряженности в приграничных районах.

Это был один из отвлекающих факторов, направленный на то, чтобы растянуть ВС РФ по периметру границ России. Еще одним из приемов, который применил враг для нанесе-

ния максимального урона России на первоначальном этапе, было использование гражданских авиалайнеров, пролетавших над территорией Российской Федерации. Так как все дальнемагистральные самолеты, эксплуатируемые в мире, принадлежали западным производителям, то они легко переводились под внешнее управление специалистами «Боинг» и «Аэрбас». В период с 4:00 до 22:30 по МСК... на территории Российской Федерации потерпели крушение и разбились восемь пассажирских и грузовых самолетов «Боинг» и «Аэрбас». Шесть из восьми самолетов упали на города-миллионники: Москву, Санкт-Петербург и Екатеринбург. Взрывы при падении самолетов были настолько мощными, что это указывало на взрывоопасный груз, который перевозили данные авиалайнеры. У специалистов, прибывших на место падений, сразу же возникло подозрение, что самолеты целенаправленно использовались для диверсий против гражданской инфраструктуры российских мегаполисов.

Помимо начиненных взрывчаткой и небольшими ядерными зарядами гражданских самолетов противник применил и тактику предварительных терактов. Так, в период с 1 по 7 января в Крыму была совершена серия террористических актов. Взрывы прогремели в местах массового скопления людей. Самый большой взрыв с многочисленными жертвами прогремел в Керчи. Был взорван склад, на котором хранилось сто тонн аммиачной селитры и несколько тонн машинного масла, террористы предварительно смешали удобрения и машинное масло, превратив все это во взрывчатую смесь. Мощный взрыв снес начисто шесть прилегающих к складу многоквартирных домов.

Также враг применил модернизированную под обстоятельства стратегию «Глобального молниеносного удара».

Ракетные удары были нанесены по всей территории Российской Федерации, основной целью были Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, Владивосток. Но также досталось и остальной стране. Из всех выпущенных ракет цели достигли менее половины, остальные были перехвачены, сбиты либо сами упали, не долетев до цели. Враг использовал не только боеприпасы с обычным взрывчатым веществом, но и боеголовки с ядерной начинкой. В дело пошли даже те ракеты, которые подлежали утилизации вследствие окончания срока их эксплуатации.

После первой волны ракетных ударов последовали бомбардировки приграничных районов, основной целью становились не только военные объекты, но и гражданские здания, коммуникации, инфраструктура, поддерживающая жизнеобеспечение людей: АЭС, ГЭС, больницы, электростанции, фильтровальные и насосные станции водоканалов, объекты, на которых хранились химические и опасные вещества.

По Белгороду, Мурманску, Ростову, Волгограду, Севастополю, Владивостоку были нанесены удары с использованием боеголовок, снабженных боевыми отравляющими веществами.

Центральную часть РФ планомерно ровняли с землей, уничтожая не только города, но и всю жизненно важную инфраструктуру: газопроводы, водопроводы, мосты, плотины, дороги.

Непрерывные обстрелы с использованием ракет различного класса, бомб и наземных установок продолжались три дня; за это время, по различным данным, погибло более тридцати миллионов человек. Потом в дело вступили наземные части, которые начали вторжение одновременно со всех сторон, образовались пять районов вторжения: западный – через границы Украины, Прибалтики, северный – через Финляндию и Норвегию, южный – через страны Каспия и Казахстан, дальневосточный – морская высадка армии Японии, ну и Чукотский фронт – высадка американцев через Берингов пролив.

Китай не пожелал оставаться без дел, его армия перешла границу и оккупировала Алтай, Алтайский край, республику Тува... и попутно Монголию. К населению России относились не особо враждебно, позволяя людям уезжать в глубину страны, подальше от границ, при этом эвакуации не мешали, но и не помогали. Занятые территории Китай объявил бесполетной зоной, предупредив, что будут сбивать все, что появится в небе. Против китайской армии

Западная коалиция не предпринимала никаких действий, как будто китайцы действовали по заранее согласованному плану. Ну еще бы, если учесть торговый оборот между Китаем и странами Западной коалиции, то не удивительно, почему КНР выбрала эту сторону баррикад. Бабло всегда побеждает... все!

Ракетные войска РФ, ВКС, ВМФ успели ударить в ответ, в итоге на карте мира не стало таких городов, как Берлин, Париж, Варшава, Тель-Авив, Хельсинки, Лондон, Сан-Франциско, Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Группировка войск, сосредоточенных в Сирии, нанесла удар по американским базам в Турции, Иордании и по флотилии в Средиземном море.

У РФ появился неожиданный союзник – КНДР. Северная Корея нанесла удар по соседям: Японии и Южной Корее. Если по южанам отработали обычными ракетами и стволовой артиллерией, то остров Окинава, где расположена американская военная база, накрыли ракетами с ядерными боеголовками. Большая часть ракет была сбита еще на старте, но две все равно плюхнулись на острове, ничего не разрушив, потому что упали в чистом поле, зато порядком загрязнили атмосферу.

Столицу Южной Кореи – Сеул – практически стерли с лица земли, северяне отработали из сотен орудий, что были установлены вдоль демаркационной линии. После длительного обстрела армия КНДР перешла границу и теперь планомерно продвигалась вниз по Корейскому полуострову, тесня позиции южан. Как ни странно, к Южной Корее никто не пришел на помощь, американцы вывели свои войска с баз и перекинули их на Аляску.

Удивительно, хотя кого может удивить подтасовка фактов в современном мире, где люди верят тому, что им вещают с экранов телевизоров, но, по официальной версии, которую распространили в мировых СМИ, первыми ракетный удар нанесли якобы войска РФ, и только потом, в ответ, ударили силы международной коалиции во главе со США. При этом на экранах телевизоров висела «картинка» разгромленных западных городов.

Крым отдавался на растерзание армиям Украины и Турции. На Луганск и Донецк были сброшены бомбы с ядерной начинкой, заряды в них были малой мощности, и они не столько нанесли разрушения, сколько запугали силы ополченцев, заставив жителей ДНР и ЛИР эвакуироваться в глубину территории Российской Федерации.

Турецкая армия высадилась в Крыму и устроила морскую блокаду не только Крымского полуострова, но и всего северного побережья Черного моря. В Одессе сформировали огромную перевалочную базу Западной коалиции.

Ожесточенные бои по всей протяженности границ Российской Федерации продолжались несколько месяцев, вплоть до середины лета 20... года. Особого успеха ни одна из сторон не добила. Войска Западной коалиции не смогли далеко продвинуться в глубину территории России. Врагом были целиком захвачены Калининградская область и Крым, а вот Брянская, Воронежская, Курская, Белгородская и Ростовская области были оккупированы частично, в основном врагу удалось захватить лишь приграничные территории.

На востоке России была оккупирована войсками США небольшая часть Чукотки. Поскольку в тех местах не было магистральных и железных дорог, то армия США не смогла продвинуться далеко по территории России. Ограниченный контингент американских войск занял город Анадырь и ограничивался лишь близкими к городской черте патрульными маршрутами.

Китай, занявший некоторые части южной и восточной Сибири, особых активных действий не предпринимал. Местное население особенно не гнобили, даже ввели продуктовые карточки, которые раздавали бесплатно, выделяя скудные продуктовые пайки, на которые можно было как-то жить и не умирать с голоду.

Западная коалиция и Российская Федерация замерли в бойцовских стойках напротив друг друга, готовясь сойтись в смертельном поединке. Ни одна из сторон не желала атаковать

первой, понимая, что наступающие несут большие потери, а свободных ресурсов ни у той, ни у другой стороны уже не осталось.

Горячая фаза ракетных ударов и ковровых бомбардировок, продолжавшаяся несколько месяцев, закончилась. У обеих сторон заметно истощился наступательный потенциал. Большая часть авиации и средств ПВО были уничтожены, а то, что удалось сохранить, противоборствующие стороны пожелали оставить для последнего и решительного боя.

Каждая из сторон понимала, что если начнет наступление первой, не накопив достаточного количества сил, то рискует проиграть. Военачальники по обе стороны линии фронта знали, что главное – не выиграть первый бой, а победить во всей войне. И тут в дело должны были вступить военная хитрость, обманный удар или отвлекающие маневры.

Третья мировая война началась, потому что так должно было быть, пусть многие в это не верили, и даже военные, готовясь к ней, все равно продолжали убеждать гражданских, что войны быть не может, потому что не может быть.

Войны не возникают на ровном месте. Они начинаются тогда, когда появляются противоречия, которые нельзя разрешить иным путем, кроме как войной. Сегодня характер глобальных противоречий в мире настолько глубок и серьезен, что значительно превосходит те противоречия, которые вызвали Первую и Вторую мировые войны. Единственное, что сдерживает – это ядерный паритет между Россией и США. Но и он уже перестал быть серьезным фактором сдерживания, поскольку появились такие инструменты, как гибридная война, которая уже вовсю реализуется. Обе стороны понимают, что можно воевать и обычным оружием, не применяя ядерное.

Третья мировая война должна была начаться по тем же причинам, по которым начались предыдущие две мировые войны. А именно, решаются международные задачи и вопросы, которые другим способом просто нельзя решить. Как говорили в прошлом умные люди, то ли Бисмарк, то ли Цицерон: «Когда замолкают дипломаты, начинают говорить пушки».

Вот она и началась, это проклятая, чертова война! Последняя война в истории планеты по имени Земля.

Война началась, как и в 1941 году. Без предупреждения и без объявления войны!

Как и в сорок первом году, высшее руководство России предупреждали о скором начале войны. Предупреждали! Руководство России не поверило, думало, что смогут договориться мирным, дипломатическим путем, думало, что успеют, что времени еще много, думало, что Запад не решится напасть на нас, потому что у нас есть «ядренбатон».

Запад решил! Запад смог! Запад напал!

А вот если бы наши руководители решились ударить первыми, показательно нанести удары по центрам принятия решений на Украине, введя на ее территорию Вооруженные силы РФ, принудили бы Украину к разоружению и отказу вступать в НАТО, вот тогда бы, возможно, удалось избежать Большой Войны. Но не решились, не смогли! Не сделали даже такую малость. А может, просто не успели, не хватило пары дней. Как всегда, русский мужик слишком долго запрягал.

Война началась. Началась с большой крови, пролитой русским народом, началась с огромных жертв среди мирного населения, с разрушенных городов, с погребенных заживо под радиоактивными обломками мегаполисов.

А это значит, что русскому солдату, рабочему, крестьянину, русской женщине надо опять, как и в 1812 году, и в 1941 году, вставать на защиту своего дома, своей страны, своей Родины. Надо упереться пятками в родную землю, выстоять, отбить первый напор, а потом переть вперед, прогоняя штыком и прикладом врага с родной земли.

Все, как и раньше, все, как всегда. Но ничего! Победа будет за нами! Враг будет разбит!

Пролог

Апрель 20... г. Окрестности Вашингтона.

США. Пункт временной дислокации Отдельной 10-й штурмовой дивизии.

Группа войск «V»

866-й день войны

– Товарищи бойцы, воины! Мы прошли долгий путь, мы проливали кровь, сражаясь за нашу Родину! Мы защищали наших жен, детей и матерей! Мы освобождали европейские столицы от гнета войск Западной коалиции, мы бились за правое дело! Еще немного, и враг будет разбит! – генерал, стоя на самодельной, сбитой из досок трибуне, кричал в громкоговоритель. – Те бойцы, которые поднимут знамя нашей дивизии над зданием Капитолия, будут награждены Звездами Героев России, их имена будут записаны в Пантеон воинской славы наравне с именами таких прославленных героев, как... – генерал зыркнул в бумажку-подсказку и скороговоркой выдал: – Алексей Берест, Михаил Егоров и Мелитон Кантария.

– Слышь, Псих, а я не понял, чего он первого и второго бойца назвал по имени и фамилии, а третьего и четвертого только по фамилии? – шепотом спросил у меня стоящий справа сержант с позывным «Бамут». – И, вообще, о ком это Рыжик сейчас говорит?

– Бамут, древний ты человек, одно хорошо – пулеметчик от бога! Карл Маркс и Фридрих Энгельс это не муж и жена, а четыре разных человека, – пошутил я. – Он назвал три имени и три фамилии. Мелитон Кантария – это один человек. Эти трое водрузили знамя Победы над Рейхстагом в 1945 году. Запомнил, дурья твоя башка?!

Стоять на жаре битый час было невыносимо, все-таки хорошо они в своей Америке устроились, их столица – чертов Вашингтон – находится на одной широте с Турцией, так что у них тут чаще всего жарко. А мы стоим как идиоты в полной боевой выкладке, увешанные оружием и закованные в штатную броню. Бойцы из моего отделения вообще-то в бронежилеты облачаются, только находясь на блоках или если нас приехали снимать журналоги, а в реальном бою броник больше мешает, чем помогает.

Ладно бы где-нибудь в тенечке сейчас лежали с пивком в руках, так нет, выстроили два батальона на разогретом от раннего весеннего солнца бетоне взлетной полосы и вещают уже битый час, что именно мы должны взять этот чертов Капитолий и водрузить над ним знамя нашей доблестной Краснознаменной 10-й штурмовой дивизии.

Ну конечно, мы, а кто еще? Первый и второй ДШБ тут без вариантов, только нас можно послать в самое пекло с четким приказом – притащить Люцифера и бросить его пред светлы очи начальства. И мы пойдем и выполним поставленную задачу!

Жариться на солнце было невыносимо, пот стекал по спине, оттуда по заднице, потом по ногам и скапливался в ботинках. Чертовы ботинки! Ну вот почему нельзя было обуть кроссачи? Они у меня черные, под цвет ботинок. Никто бы не заметил несоответствие, я стою в четвертом ряду, за спинами своих сослуживцев. Сейчас бы пивка холодного, подлечиться после вчерашнего!

– Псих! Псих! Подь сюды... – отвлек меня от грустных мыслей ротный. – Псих, епта, комбат сказал, что надо какую-нибудь речуху двинуть перед ротой, епта, чтобы они потом крикнули «ура!», епта. А я, епта, не знаю, что говорить, епта. Выручи, епта! Киношники хронику снимают, им по сюжету, епта, так надо. Звук потом наложат, епта, можешь говорить все, что хочешь, но чтоб без мата, епта, а то по губам потом прочитают, епта. А я не могу, сам понимаешь, епта!

– Михалыч, а че сразу я? Вон, Синице поручи! Фигли он свои звездочки просто так, что ли, на погоне носит? – кивнул я в сторону командира второго взвода.

– Псих, епта, не делай мне мозги, епта, ну какой из Синицы вояка, епта, он же щуплый доходяга! Иди, двигай речуху, в конце концов, кто из нас командир первого взвода и прославленный орденосец, я или ты?!

Вот такая вот у нас необычная рота: ротный – прапорщик, один взводный – лейтенант, второй взводный, то есть я – сержант, третьего пока нет, вместо него ефрейтор Шинин.

Ворча под нос ругательства в адрес пожилого прапорщика, скинул с себя РПС с подсумками, бронежилет, шлем и автомат. Уложил все это на бетон и вышел из строя. Передо мной моя родная первая рота, слева и справа остальные части первого и второго ДШБ.

Выстроенные на бетонке три взвода первой роты первого десантного штурмового батальона особо внешним видом не поражали. Михалыч, конечно, постарался в первые ряды выставить особо подтянутых, высоких и обладающих хоть немного человеческими лицами воинов, но, честно говоря, вышло это у него не очень. Причем старшего прапорщика Петра Михайловича Конюхова никто бы за это не осудил, по той простой причине, что в нашей разведроте особых, плакатных красавцев как-то не водилось, не приживались они у нас. А если такие Алены Делоны попадались и приживались в роте, то очень скоро их морды разукрашивали кривые полосы шрамов.

Девяносто два человека! Разведчики-штурмовики. Элита прославленной «десятки». Нас за глаза называли «взломщиками», потому что только мы могли взломать вражескую оборону, найдя в ней малюсенькую брешь, в которую аккуратно бы влезли, а потом расширили до такой степени, чтобы следом могли пройти танки.

Нет, остальные три тысячи вояк, стоявших сейчас на разгоряченном бетоне и составляющих ударную силу «десятки», тоже были бойцы что надо, но первая разведрота была одна такая на всем белом свете, второй такой не было!

– Мужчины! – криво улыбнувшись, начал я, немного повысив голос. – Завтра нас кинут на штурм Вашингтона. Как только возьмем этот чертов городишко, так сразу война закончится, и можно будет возвращаться домой, к своим бабам и их волосаткам! Так давайте сделаем это как можно быстрее! А то меня эта война уже порядком зае... – тут я осекся, вспомнив, что материться нельзя, – надоела мне эта война! Чье отделение первым установит флаг нашей дивизии над Капитолием, тех ждут несколько приятных сюрпризов. Во-первых, Фарт простит им все карточные долги, он мне сам должен, поэтому я с ним договарюсь! – Где-то в последнем ряду третьего взвода раздался приглушенный вскрик обиды и возмущения. – Да-да, простит, – немного громче сказал я, обращаясь к третьему взводу. – Недаром же я два раза вытаскивал его на себе с поля боя. Во-вторых, помните, как в пригородах Парижа мы взяли один древний замок, в подвале которого были бочки с коньяком. Хозяин того замка очень причитал, боясь, что мы выпьем содержимое самой древней бочки. Нашему комдиву еще пожаловался. Так вот, тогда содержимое бочки было заменено на более дешевое пойло, а ту «конину» стопятидесятилетней выдержки наш с вами брат по оружию заныкал, надеясь после войны выставить этот нектар на свадебный стол своего старшего сына. Так вот, я считаю, что они обойдутся деревянным самогоном, а этот коньяк выпьют те, кто водрузит знамя нашей дивизии над Капитолием! Тем более что он мне должен, потому что я его отмазал, когда его должны были расстрелять за мародерство...

После этих слов раздался стук падающего тела. Старшина Рогов бахнулся в обморок.

– В-третьих, я лично найду в этом захолустье пару-тройку живых овец, чтобы Ашот нажал столько шашлыков, сколько вы в глаза не видели...

Лица бойцов разглаживались, они забывали о жаре и внимательно слушали, что я скажу дальше.

– Ну и в-четвертых, договорюсь с зенитчицами из Кубинской бригады о совместной пьянке! А я вам скажу, что кубинки знают толк в сексе. Ну что, возьмем этот чертов Капитолий? – громко спросил я. – Взломаем этот проклятый Вашингтон?

В ответ раздался такой дружный восторженный рев сотни луженых глоток, что оператор киношников от неожиданности споткнулся и упал на задницу. Разведчики первой роты так громко кричали «ура!» и скандировали «Десятка! Десятка!», что, скорее всего, их услышали даже по ту сторону океана, где-то среди дремучих лесов Урала в секретном бункере, где располагалась Ставка во главе с Главнокомандующим!

Через два дня начался штурм столицы США – города Вашингтон. Долгие шесть лет продолжалась эта война. Шесть лет мы шли к этой Победе!

Бухал солдат, слеза катилась,
Хрипел трофейный саксофон,
И на груди его светилась
Медаль «За город Вашингтон».
Допил вискарь, проверил скатку,
Послал патрон затвором в ствол.
Еще освободить Аляску...
Вздохнул солдат наш и пошел.

Глава 1

Ноябрь 20... г. Черноморское побережье Краснодарского края 263-й день войны

В военном лагере царил суега и неразбериха, характерная для скорого выведения военного подразделения в зону боевых действий. Солдатиков гоняли в хвост и в гриву, до полу-смерти. Учебные стрельбы велись без остановки, личный состав стрелял из всего, что было в наличии. По соседству был песчаный карьер, так там один склон углубили на пару десятков метров, отстреливая в него выстрелы разномастных гранатометов.

Батальон морской пехоты был переброшен на юг России из Дальневосточного военного округа. После того как с китайцами заключили временный договор о перемирии и сотрудничестве в военное время, удалось снять оттуда несколько воинских подразделений.

Морпехов разместили в корпусах детского санатория. Сюда же пригнали роту РХБЗ¹, взвод рэбовцев², отделение связистов (хотя у морпехов были и свои), инженерный взвод, обустроили медпункт и склад вооружения и боеприпасов. Техники, не считая пары тентовых «Уралов» и разъездного «уазика» комбата, не было совсем. Ни тебе БТР, ни БМП, даже затрапезного «бардака»³, и того не было.

В связи с этим у меня возникал закономерный вопрос: что задумало командование? Понятно дело, что морпехов сюда пригнали не просто так, а по их прямому назначению – высадка на морское побережье, занятое противником для захвата и удержания плацдарма. Но почему без техники? Много ли навоюешь и назахватываешь без поддержки брони? Да элементарно: как до берега добраться без водоплавающей техники? Можно, конечно, на лодках и катерах, но где их тут столько набрать? А если выбрасывать десант на БДК, то противник потопит их еще на подходе, в Крыму сейчас очень мощная вражеская группировка. Оплот вражеский, можно сказать, осиное гнездо, мать его так!

В общем, вопросов много. И самое обидное, что спросить не у кого, я тут и так на птичьих правах, могут выгнать взащей в любой момент. Так что с расспросами лучше не соваться.

Погода – дрянь! Конец ноября выдался ветреным и дождливым. Часто шел мелкий противный дождь, который не столько мочил землю, сколько разводил грязь. Серое небо, серая земля с пожухлой травой и облезлыми стенами бетонной коробки санатория советской постройки. Настроение – дрянь!

Угли под вскрытым цинком, наполненным песком, почти остыли, но свой жар они отдали сполна, кофейная шапка в большой эмалированной кружке мерно «пыхала», разнося по округе аромат свежесваренного кофе. Рядом с кофейной кружкой торчал небольшой закопченный чайник, в котором Фомич запаривал свой травяной настой. Духан от настоя шел такой, что впору было звать эрхабэшников. Старик утверждал, что благодаря этому отвару он без болезней дожил до своих семидесяти лет.

Фомич прибился ко мне в Приволжье; поезд, на котором я двигался на юг, остановился на небольшой станции, где мы со стариком и повстречались. Узнав, что я еду на войну, Фомич напросился со мной. Сейчас старик шарился где-то по округе в поисках, где бы разжиться едой и оружием.

– Ничего себе, какой аромат! – шумно шмыгнув носом, произнес высокий молодой мужчина, стоявший надо мной. – Угостите? – спросил он, вытаскивая из кармана бушлата шкалик коньяка.

¹ войска радиационной, химической и биологической защиты.

² ЭБ – радиоэлектронная борьба.

³ «Бардак» – БРДМ – боевая разведывательно-дозорная машина (*арм. сленг*).

– Присаживайтесь, – пригласил я. – Стас, – представился я.

– Константин, – ответил военный. – Можно просто – Костя, и на «ты». Договорились?

Парень лет тридцати – тридцати пяти, подтянутый, спортивной наружности, цифровой камуфляж сидит на нем как влитой, ни одной лишней складочки. Аккуратная стрижка, гладко выбритая физиономия, с ровными открытыми чертами лица. Внимательные, хитрые глаза. Красавец! На погонах три звездочки. Черного берета на голове нет, положенных шевронов – тоже, значит, не морпех. Тогда кто? Судя по повадкам и заходу на цель – особист!

– Ничего себе! – удивленно протянул Костя. – Давненько я такой вкусный кофе не пил. Только в Турции подобное пробовал.

– Особист? – спросил я, грея пальцы о кружку и вдыхая кофейный аромат.

– Что, так сильно заметно? – улыбнулся Константин.

– Не очень, просто я давно ждал, когда мной заинтересуется Первый отдел. Тебя я здесь до этого не видел, пешком ты сюда не пришел, значит, тебя привез комбат морпехов. Возникает вопрос: а какого полового органа цельный подполковник будет просто так подвозить старлея?

Я отказался от предложенного спиртного. После ранения и лечения в госпитале мне приходилось жрать тонны таблеток, и вся эта химия плохо сочеталась с алкоголем.

– Ну, раз ты такой проникательный, то может, сам скажешь, что надо контрразведке от Стаса Крылова? – поинтересовался контрразведчик, добавляя коньяк в кружку с кофе.

– Нет уж. Сам пришел, сам и рассказывай. Думаю, что вам нужна инфа или совет.

– А вдруг мы раскопали, что вы, товарищ Псих, на самом деле засланный казачок – агент Запада!

– Фигню городишь, – легкомысленно отозвался я. – Был бы хоть малейший намек, что я вражина засланная, то давно бы меня били сапогами по почкам в сыром подвале и яйца в тисках зажимали. Это только в фильмах контрразведчики и шпионы ведут интеллигентные беседы о высоких материях и сущности бытия, а в жизни – хватить под белы ручки, утащили в камеру и за пару часов выпотрошат подчистую.

– Что-то у тебя в голосе нотки проскользнули печальные, как будто ты пережил нечто подобное на собственной шкуре.

– Я много чего пережил в этой жизни. И что? Каждому свое. Ты, Костя, лучше не тяни kota за принадлежности да прямо спроси, чего надо. Так и тебе и мне проще будет. Хорошо?

– Хорошо. Тогда для начала расскажи свою краткую биографию, – особист вытащил из кармана диктофон и положил его на землю.

– Вроде уже рассказывал, – вздохнул я, понимая, что придется повторяться. – Ну, надо так надо... Станислав Павлович Крылов, семьдесят седьмого года рождения, уроженец города Брест, что в республике Беларусь. Папа – военный, ракетчик, осевший после выхода на пенсию в теплом Крыму, маму я свою отродясь не знал, она умерла, когда меня рожала. Что еще сказать? Школу окончил с тройками, в институт, на истфак, не поступил, в армии отслужил два года, в погранвойсках, потом остался на контракт, это еще три года. В армию пошел сам, хотя мог и «откосить», все-таки по паспорту я был гражданином РФ, хоть и проживал с отцом в украинском Крыму. Но в восемнадцать лет приехал в Россию, где и «сдался» в ближайшем военкомате. Служил на границе с Афганистаном, в республике Таджикистан. После окончания контракта много где работал: охранником, сторожем, продавцом, строителем, монтажником, ходил пару сезонов матросом на реке Лене. Окончил курсы бухгалтера, немного поработал по профессии, но быстро наскучило. Что еще? Женился, но неудачно, хоть и ребенок был, да видать не особо я был пригоден к семейной жизни, разошлись, официально остались в браке, но жена с дочкой уехала к родителям. Воевал на Украине на Донбассе. Войнушку забросил через девять месяцев: как только словил два осколка в левую руку, сразу же завязал, тем более стало понятно, что местные «варягов» не жалуют и «тянут одеяло на себя». Но то дело такое – гражданская война, одним словом, не понять, кто свои, а кто чужие и за что воюем, за идею

или за гроши. Несколько раз «развязывался», нарушал собственные обещания и возвращался в Донбасс, привозил гуманитарную помощь для своих бывших сослуживцев и оставался каждый раз на несколько месяцев, подменяя раненых и выбывших бойцов.

Ну а когда в январе 20... года в Крыму прогремели первые взрывы терактов, собрал кое-какие вещи в сумку, закинул на плечо зачехленную отцовскую вертикалку да пошел в военкомат на пункт сбора, где был тут же послан обратно домой. Почему-то я, обычный гражданин России, пусть и с боевым опытом, понимал, что скоро начнется большая война, а работники военкомата не понимали. Хотя они люди подневольные, им что приказали, то они и делают.

Повезло – встретил давнишнего приятеля, через которого в свое время уезжал воевать на юго-восток Украины. Приятель, хоть и сволочь редкостная, помог – пристроил меня в отряд керченской самообороны. Целый месяц наш отряд ничего не делал, с нами проводили какие-то несуразные тренировки и читали курс скучных лекций. Ну а когда на Донбассе началось очередное обострение и ВСУ стали всерьез кошмарить мирные города ДНР и ЛНР, я основательно задумался о том, что пора опять возвращаться на войну. Но так получилось, что не я пошел на войну, а война пришла ко мне.

В феврале 20... года власти ДНР и ЛНР обратились к руководству России с просьбой о признании их республик и оказании военной помощи. Президент Российской Федерации их просьбу выполнил и подписал указ о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. В этот же день наиболее густонаселенная часть России, а также ДНР и ЛНР подверглись массированному ракетно-бомбовому ударам. Началась Третья мировая война!

Вот тут наш отряд самообороны и пригодился. Мы эвакуировали людей, порой силком выгоняя их из жилищ, тушили пожары, гоняли мародеров, помогали жильцам выносить вещи, выполняя обязанности грузчиков, сопровождали колонны с покидавшими город жителями, следили за правопорядком в ночное время. Короче, ишачили, как папы Карло и мамы Марло. Эвакуировали не только Керчь, но и остальные города Крыма. Многие жители Крыма в то смутное время решили покинуть полуостров. Оно и понятно, ведь всем было ясно, что хохлы костью лягут, положат любое количество своих бойцов, но прорвутся в Крым. Поскольку самолеты не летали, то единственной дорогой оставался Крымский мост, по которому были уже нанесены удары, и дорожное полотно зияло дырами, но мост продолжал выполнять свои функции, по нему крымчане эвакуировались на Большую землю.

Из сотрудников частных военных предприятий, нескольких казачьих подразделений и взвода Росгвардии был создан военный отряд, который принял на себя первый удар врага в Восточном Крыму. Командовал этим отрядом я. Так уж получилось, что я в тот момент оказался самым опытным в ратном деле.

Враг, не считаясь с потерями, прорвал оборону российских войск и вышел на оперативный простор северного Крыма. Севастополь был окружен. С моря полуостров блокировал турецкий флот. Крым оказался между молотом и наковальней. С севера давила мощная группировка ВСУ, а с юга ее поддерживала огромная флотилия Западной коалиции. На ЮБК уже высадились турецкие войска. Чтобы не оказаться в котле, российское командование спешно выводило из Крыма все воинские подразделения. Бои длились несколько месяцев, за это время наш отряд разросся до состояния полноценного батальона, у нас появились бронетехника и системы залпового огня, все это было захвачено у противника. Действовали в основном небольшими мобильными группами: грузовик с минометом в кузове да пара современных «тачанок» – пикапы с установленными на них пулеметами и АГСами.

Наш отряд прикрывал эвакуацию гражданского населения из Крыма, удерживая единственную дорогу, ведущую на материк – через Керченский полуостров.

Я был несколько раз легко ранен. В последнем бою, где полегла большая часть моих людей, отражая высадку турецкого десанта, получил сильнейшую контузию и был эвакуирован на материковую часть России.

В госпиталях провалялся несколько месяцев, потом не выдержал и сбежал. Вначале поехал повидаться с бывшей женой и дочерью. Они жили у родителей жены в небольшой деревне на Урале. Встретили меня не очень дружелюбно: дочь не узнала, испугавшись моей посеченной осколками рожи; жена жила с другим мужиком. Она оформила документы, что я умер, вышла замуж второй раз и записала моего ребенка на фамилию нового мужа. А еще бывшая оказалась беременной. Вот такие пирожки с котятами!

Устраивать скандалов не стал, переночевал, выпил с тестем бутылку водки, рассказал о своих приключениях, а утром уехал на войну. Тесть отвез меня на железнодорожную станцию, там же в банкомате я снял всю наличность с карточки и отдал ее тестю. Им теперь деньги нужнее, чем мне. Мужик моей бывшей хороший попался: особо не пьет, ее и моего ребенка любит, рукастый, такой прокормит не только себя, но еще и семью. Мира им и добра в дом! Кому-то детей рожать и воспитывать, а кому-то воевать!

Сперва подался в ближайший военкомат, хотел как можно быстрее попасть на фронт, но там меня завернули, сообщив, что инвалиды им не нужны. Подался в другой военкомат, потом в еще один, и еще. Только после пятого военкомата понял, что так мне на войну не попасть. С моей выпиской из госпиталя и штампом в военном билете никому я не нужен, и пусть у меня опыта, как у дурака махорки, тыловикам это до лампочки!

Самое обидное, что во время своих мытарств по военкоматам видел сотни мужиков, которые скрывались от мобилизации. Здоровых, сытых, полных сил мужиков, которые не желали идти на войну. А я желал, всеми правдами и неправдами хотел попасть на войну, чтобы хоть как-то помочь Родине, а меня не брали. Обидно!

На перекладных и попутках, а часто и просто пешком двинул на запад. Добирался долго, почти месяц, по дороге подхватил коронавирус, который осложнился пневмонией, думал, сдохну, но ничего, пронесло, выжил! Только к осени добрался до Краснодарского края, где и напросился в боевую часть. Здесь на мою степень годности здоровья глядели уже не так сурово, тут ценились реальный боевой опыт и знания. Да и пару знакомых нашел, которые и помогли – пристроили к морпехам. По слухам, они в скором времени должны были высаживаться на побережье Крыма, чтобы отбить полуостров у врага. Вот и вся моя история жизни, – закончил я свой рассказ, допивая остывший кофе.

Фомич сидел рядом, дожевывая бутерброд с салом, которое он самым наглым образом выпросил у нашего гостя. Костя тоже харчил бутер, но уже с паштетом, вприкуску с гречневой кашей, которой угостили морпехи. Моя тарелка с кашей стояла в сторонке и остывала. Есть не хотелось. Привычно тошнило, и болела голова.

– Ну, в целом понятно, – кивнул особист. – Насколько хорошо знаешь Керчь и его пригороды?

– Отлично знаю. Большую часть жизни там прожил.

– Совсем хорошо, ну, тогда собирайся, поедешь со мной.

– Собраться и поехать – не проблема. Вопрос: куда? Если в штаб или в тыл, исполнять роль советчика, то идите на все четыре стороны, товарищ особист!

– Нет, не в штаб и не в тыл. В самое пекло, на передок! Есть задача для группы смертников, им нужен проводник, человек, знающий окрестности Керчи и сносно владеющий турецким языком. А еще этот везунчик должен быть в некоем роде отморозком. Согласен?

– Еще бы, – усмехнулся я. – Последний вопрос: почему я?

– Я спрашивал за тебя, Псих, и выяснилось, что ты себя хорошо, прямо скажем, героически проявил в первые дни войны. Твой отряд отлично воевал. А еще тебя характеризовали как весьма опытного и прагматичного человека, с одной стороны, не боящегося замарать рук, а с другой стороны, берегущего солдат. Сам понимаешь, что в нынешних обстоятельствах у командования каждый солдат на счету, и вот так просто бросать на пулеметы целую роту никто не станет. Конечно, когда речь идет о прикрытии высадки нескольких бригад, то тут не то что

ротой, батальоном пожертвовать можно. Но все равно, если есть шанс минимизировать потери, поставив во главе подразделения такого, как ты, то почему бы не воспользоваться этим шансом.

– В отряде будут все добровольцы? – спросил я.

– Да. Все добровольцы, и каждый из бойцов понимает, что назад они, скорее всего, не вернуться. По предварительному плану рассматривался вариант после выполнения задания уйти в горы к партизанам, но до тех гор еще добраться надо. Вся территория полуострова под непрерывным и тотальным контролем ВСУ и Западной коалиции. А в такой ситуации лучше, чтобы командиром отряда был человек опытный и практичный, а не горячий и безрассудный юнец, вызвавшийся добровольцем.

– Понятно, – кивнул я. – Ну, раз так, то я согласен. Из моих старых бойцов кого-то еще нашли?

– Как высадитесь на берег, на месте узнаешь, – хитро сощурился особист.

– Надо только харчей у морячков подрезать, – деловито поддакнул Фомич. – Жаль, не успел мосты навести с их поварешкой.

– Старик, а ты куда собрался? – удивился старлей.

– Ему можно, у него неоперабельный рак, – пояснил я рвение деда. – Фомич желает умереть в бою.

– Ну, тогда собирайтесь, а я пока договорюсь за машину.

Глава 2

Тяжелогруженный баркас переваливался на волнах, как беременная касатка, медленно шел к берегу. Сыпавшаяся с неба снежная крупа вперемешку с мелким дождем нависала над головой свинцовой непроглядной стеной. Морская вода отливала всеми оттенками серого и черного. Отчасти из-за такого цвета воды Черное море и назвали Черным. Древние мореманы, которые, как известно, «ходят», а не плавают, знали толк в географических названиях, поэтому и не ошиблись, когда нарекли этот водоем по цвету заборной воды.

Сидя на корме баркаса, его нос еще кое-как было видно, а вот дальше ничего, сплошная муть сыпавшегося с неба мелкого крошева. Погода была настолько отвратительной, что казалось, хуже быть не может. В такую погоду хорошо сидеть дома, перед обогревателем или открытым огнем камина, и попивать горячий облепиховый чай, закусывая его плюшками. Ну, можно еще, укрывшись одеялом, дрыхнуть на верхней полке поезда дальнего следования, изредка просыпаясь от гудков встречных составов, а мерное цоканье чайной ложки о край пустого стакана в фирменном подстаканнике будет убаюкивать не хуже колыбельной песни или бубнежа телеведущего программы новостей. Короче, сейчас хорошо бы оказаться в тепле и уюте, а не на промозглой, скользкой от наледи лавке дырявого баркаса.

Фомич сидел рядом, закутавшись с прорезиненную плащ-палатку, изредка шурша целлофановыми пакетами на ногах, которыми обмотал свои сапоги. Я поступил несколько мудрее и надел на ноги длинные «чулки» от костюма химзащиты. Теперь, высаживаясь на берег, я точно не замочу ноги. С моим здоровьем простывать нельзя, таблеток пью столько, что порой непонятно, чего в мою глотку проваливается больше: обычной еды или фармацевтической дряни.

Кстати о таблетках... Их осталось мало. Если принимать в обычном режиме, то хватит на неделю, если экономить и пить только при особенно жестких приступах боли, то можно растянуть на две недели. А что потом? Закончатся таблетки – и при очередном приступе боли и черной хандры пустить себе пулю в лоб? В принципе, можно, смерти я не боюсь, в загробный мир не верю, но все-таки хотелось бы умереть с толком – сдохнуть так, чтобы забрать с собой как можно больше врагов.

Костя Особист не обманул, пристроил нас с Фомином в отряд, который должен был скрытно высадиться на черноморском побережье Керченского полуострова, а дальше...

Блин, я только сейчас сообразил, что так и не узнал, как на самом деле зовут Костю Особиста. Скорее всего, он и не Костя вовсе.

Численность отряда – чуть меньше роты, вооружение – легкая стрелковка, носимая с собой: автоматы АК-74М и АКС, СВД, одна крупнокалиберная дальнобойная винтовка калибра 12,7 миллиметров, пулеметы ПКМ и РПК, много ручных гранатометов, мин и взрывчатки. Обмундирование все сплошь импортное – коалиционное и «военторговское», так, чтобы ни малейшего намека на принадлежность к российской армии. Все оружие, наоборот, исключительно советское, а рации и бронежилеты, наоборот, забугорные – Китай и бывший соцблок. Отдельно несколько больших пластиковых кофров, герметично упакованных, в них спецоборудование и хитрые мины.

Если рассматривать из соображений целесообразности подобной экипировки, то получалось, что наш отряд должен выполнять разведывательно-диверсионные задачи. Но, блин, не сотней же бойцов. Куда столько?! Где им укрыться? Как скрытно перемещаться? Лесов тут отродясь не было, весь Керченский полуостров – это степь, изредка пересекаемая невысокими холмами и косогорами. Есть несколько выработок, где в старые времена добывали для строительных нужд камень-ракушняк, причем такие выработки чаще всего представляют собой цепь извилистых подземных лабиринтов – каменоломен. Наиболее известные – это Аджимушкайские каменоломни. Но они находятся в городской черте Керчи, ближе к Азовскому побережью.

А судя по тому, где нас высадят, мы сможем укрыться либо в Ак-Монайских каменоломнях, либо в штольнях горы Опук. А что дальше? Хрен его знает... Но мне по фигу, я, как Фомич, решил умереть красиво – в бою. Чтобы ветер в харю, а я такой с шашкой наголо мчусь на коне навстречу вражеским пулеметам!

Но все эти рассуждения и размышления должны ворошиться и гнездиться в головах у возможных засланных казачков и шпионов, а не у меня, потому что я знал, для чего предназначен этот отряд.

– Совсем пацаны молодые, – раздался ворчливый голос старика из-под глубокого капюшона. – Никого старше не нашлось? Куда этих малолеток в бой посылать?

– Не ворчи, – ткнул я старика в плечо, – думаешь, было бы им лет по сорок, это было бы правильнее? Умирать в любом возрасте вредно... ну разве что таким старым пердунам, как ты, пора бы уже на погост.

– Сам дурак!

Старик был прав, бойцы в отряде собрались совсем молодые, многим не было еще и двадцати. Три взвода, в каждом по двадцать семь человек бойцов плюс по одному офицеру – лейтенанту, и ротный, старлей Рыжиков, командир отряда. Нас с Фомичом прикомандировали к третьему взводу. Большая часть отряда была сформирована из мотострелков, переброшенных из Сибири. Но были и танкисты, артиллеристы и зенитчики. В реальном бою из них успели побывать немногие, но зато настроены они были решительно, все вызвались добровольцами. То, что они все молодые и зеленые, объяснимо. Где сейчас взять опытных и прожженных, если все ветераны заняты на других участках фронта? Может, по замыслу командования именно такие сейчас и нужны...

Но армия, а особенно на войне, дело такое: то, что не видно тебе из окопа, видно генералу с его наблюдательного пункта. И если надо отправить на убой сотню молодых пацанов, чтобы их смерть прикрыла какой-то хитрый маневр, то почему бы так не сделать.

К примеру, есть в стане врага наш разведчик, и ему, чтобы доказать свою легенду, надо выдать сведения о высадке диверсантов (то есть нас), вот он и выдаст. Нас всех убьют, а ему поверят и, возможно, доверят капец какие важные сведения, а он их потом передаст нашим и тем самым спасет несколько тысяч других жизней. Возможен такой вариант? Возможен! А значит, не фиг ныть, и плыви себе дальше, Стас Крылов по прозвищу Псих!

Баркас ткнулся своим облезлым от краски носом в песчаный берег. Я хоть и держался за борт, но от удара все равно хорошенько приложился лбом о стопку деревянных ящиков.

– Бегом все на берег, – раскатистым басом выкрикнул лейтенант Тонкин, командир третьего взвода. – Встали в цепочку и приступили к разгрузке.

Мы с Фомичом к общим разгрузочным работам не пожелали примыкать и, выбравшись из баркаса, поплелись подальше от воды. Холодный ветер дул на море, он так и норовил ошпарить лицо своими ледяными порывами.

– Товарищ проводник, вас к себе ротный вызывает, – прикрывая лицо воротом бушлата, прокричал подбежавший паренек.

– Где он?

– Вон за тем бугром, там в низине палатки поставили.

Наш баркас пристал к берегу последним, первыми сюда высадились бойцы первого и второго взвода, ротный был вместе с ними.

Закинув за спину рюкзак, я полез наверх бугра. Отсутствие привычной тяжести автомата на плече и набитых магазинами и гранатами подсумков оставляло ощущение, как будто я выперся в воскресенье в людное место совершенно голым. Я пробовал выпросить у Кости Особиста автомат, ну или на худой конец СКС или наган, но был послан далеко и надолго.

– Крылов, подойдите сюда... пожалуйста, – окликнул меня молодой паренек лет двадцати. – Взгляните на карту.

Старший лейтенант Рыжиков собственной персоной. На самом деле ему двадцать пять лет, и по военным меркам он вполне уже взрослая мужская особь, но внешне выглядел как выпускник школы для математиков и шахматистов: невысокий, щуплый, с конопатым лицом и торчащими ушами. Растительность на лице практически не росла, лишь жалкий пушок над верхней губой. К нему хотелось подойти и спросить: «Ребенок, кто тебе автомат доверил? Отдай его взрослым дядям». Голос у старлея тонкий, срывающийся на фальцет, когда он отдает приказы.

– Мы вот здесь, место встречи с подпольщиками вот здесь, сможете нас провести скрытно? – Рыжиков ткнул пальцем в карту, указывая на точки.

В палатке было хорошо: с неба ничего не сыпалось, а ветер не норовил обморозить лицо. Так бы здесь и провалялся пару часов, чтобы отдохнуть после долгого морского перехода. Фомич остался снаружи, внутрь его не пустили.

– Конечно, могу, – ответил я. – Сколько человек надо провести?

– Всех, – явно удивился моему вопросу старлей.

– Старлей, ты меня извини, конечно, за грубость, здесь сейчас нет твоих подчиненных, и авторитет не пострадает, но ты что, совсем головой еб...ся? Как можно вести всех скопом без предварительной разведки? А вдруг там засада?

– Так... Крылов! Вы... это! Давайте, знаете что... держите свои мысли при себе! – взвизгнул Рыжиков.

– Лейтенант, не кричи, а то подчиненные услышат, – прошипел я. – Тебе задачу надо выполнить или народ понапрасну угробить? Я старше тебя и опытнее, так что слушай, что говорю. А будешь ерепениться и фигню пороть, зря погибнешь и пацанов погубишь. Понял? Никто на твой авторитет не посягает, и при посторонних я тебе и слова поперек не скажу, но сейчас, когда мы вдвоем, лучше меня послушай. Нельзя лезть в незнакомое место всем отрядом, надо предварительно провести разведку. Это азы военного дела!

– Я понимаю... просто... просто... – Рыжиков замешкался с ответом, а потом густо-густо покраснел.

– Если ты боишься, то в этом ничего страшного нет. Все бояться, это нормально. Просто возьми себя в руки, и все! Я выдвинусь к нужному месту с группой в пять-шесть бойцов, проведу переговоры с подпольщиками и, если все нормально, то вернусь за вами. Ты только скажи, что там надо им говорить. Пароль или сигнал какой-то?

– Три раза мигнуть красным светом, потом десять секунд пауза, и еще три раза красным светом... – Рыжиков протянул мне фонарик со сменными светофильтрами. – В ответ, если все нормально, они мигнут два раза красным светом. Если засада, то они повторяют наш сигнал: три красные вспышки, пауза и снова три красные вспышки.

– Ясно. Какие задачи стоят перед нашим отрядом?

– Это вам знать не положено, – твердо заявил Рыжиков.

– Рыжиков, тебе вообще известна моя биография и почему я здесь оказался?

– Ну, в общих чертах, – пожал плечами старлей. – Не важно, какая у вас биография, главное, что вам не положено знать наших целей.

– Ладно, фиг с тобой, спрошу у подпольщиков. Прикажи, чтобы автомат дали.

– Не положено!

– Офигеть, а если там засада, как я буду отстреливаться, или ты мне прикажешь в плен сдаться?

– С вами будут мои люди, я прикажу им в случае опасности вас сразу застрелить.

– Ладно, – после недолгой паузы ответил я. – Я запомню твои слова.

Выбравшись из палатки, вытащил из рюкзака нож, повесил его на пояс, потом перелил из термоса горячий кофе в кружку и несколько раз отхлебнул. Рыжиков отвел в сторону сержанта

и что-то ему горячо высказал, активно жестикулируя руками и периодически зыря в мою сторону.

– Фомич, покарауль мой рюкзак, – я отдал старику свою ношу, потом снял «чулки» с ног и тоже протянул их деду. – Если услышишь выстрелы, драпай вдоль побережья на север. Там через пару километров будут дачи и лодочные гаражи, snyкаешься в них.

– Давай я с тобой пойду.

– Нельзя, обузой будешь, – отрезал я.

– Ладно, тогда на вот, возьми, – старик незаметно засунул мне в карман куртки что-то тяжелое. – Там всего три патрона, может пригодиться.

– Это что, наган? – удивился я, ощупывая подарок пальцами. – Откуда?

– Нашел, – соврал дед. – Удачи!

Допив кофе, я сунул в рот карамельную конфету и, обменявшись рукопожатиями с сержантом, которому давал наставления Рыжиков, двинул прочь от берега, став первым в колонне. Сопровождающие шли правильно, выдерживая положенный в таких случаях интервал.

Поднявшись на высокий склон, оглянулся. Три баркаса, на которых прибыл наш отряд, были похожи на туши выбросившихся на берег китообразных. То ли кашалоты, то ли касатки, не знаю, кто там чаще всего выбрасывается на берег. Но впечатление и ассоциации были не очень приятные. Возможно, это из-за гнусной погоды, а может быть, из-за накатывающего на меня приступа головной боли. Не знаю, ощущения были скверные, предчувствие скорой беды. Все из-за кофе! Мне после контузии кофе и алкоголь были напрочь противопоказаны, но я плевал на запрет врачей и продолжал пить напиток из перемолотых кофейных зерен.

Баркасы разгрузили и все содержимое уже перетащили подальше от воды, сейчас их вытолкают обратно, и матросики, которые отвечали за посудины, отведут их обратно, на другую сторону Керченского пролива. Что пришлось предпринять командованию, чтобы скрытно высадить на захваченный врагом крымский берег восемьдесят семь человек, мне неизвестно, но думаю, это было не просто.

Рыжиков со мной послал пятерых бойцов, все с автоматами, у их главного – сержанта – АКС с подствольным гранатометом.

– Сержант, тебя как звать-величать? – спросил я у догнавшего меня сержанта.

– Егор, позывной «Метла». А вас?

– Стас, позывной «Псих». Ты воевал?

– Немного, всего две недели, потом ранили, и уже после госпиталя сюда попал. А вы?

– Воевал, причем непосредственно в этих самых местах. Короче, давай так, сержант, ты делай как я говорю, а когда вернемся, Рыжикову ничего об этом не скажем. Хорошо?

– Не знаю, – насутился Метла. – Смотря что вы хотите предложить.

– Я хочу тебе предложить сделать все по уму. Подойдем поближе, я покажу точки, где спрятаться твоим людям, на встречу с подпольщиками пойду сам, а вы в случае чего прикроете мой отход огнем. Ясно?

– Нет, нельзя. Командир четко приказал вас одного не отпускать. Вы должны быть все время рядом со мной.

– Хорошо, тогда на место встречи пойдем вдвоем, но пусть твои пацаны нас прикрывают издалека. Договорились?

– Хорошо, договорились, – согласился сержант.

– Есть лишний ствол? – на всякий случай спросил я.

– Нет, – ожидаемо ответил Егор.

– Ладно, сам разберусь, где мне стволом разжиться. Егор, а скажи-ка ты мне: хоть в общих чертах известна задача, которую надо выполнить?

– Нет. Вроде как подпольщики должны нам сообщить, для чего нас сюда забросили.

– Совсем хорошо. Никто ничего не знает. Ты внимательно следи за округой и, если я закричу «Бей!», то не тупи и стреляй во всех, кого видишь! Понял?

– Думаете, там может быть засада?

– Еще как может быть! Ладно, бог не выдаст, свинья не съест!

До нужного места было около пяти километров. Если мне не изменяет память, то раньше там были какие-то хозпостройки, принадлежащие развалившемуся в девяностые совхозу.

– Тебе Рыжиков приказал в случае засады меня убить? – спросил я у сержанта.

– Ага, – после долгой паузы ответил Егор, – и не сомневайся, что приказ я выполню.

– На это только и надежда, – съязвил я, – твои парни не затупят в случае чего? Если начнется стрельба, сообразят, в кого стрелять, а в кого нет? Ты их проинструктировал хорошо?

Сержант ничего не ответил, лишь зло зыркнул на меня, но, отстав на пару шагов, чего-то шепотом начал втолковывать своим подчиненным. С ухмылкой глядя через плечо, я видел, с каким серьезным и немного боязливым видом они кивают в ответ.

Несмотря на мерзкую погоду и совершенно непонятное будущее, мое настроение улучшалось. Голова перестала болеть, в висках уже не ломило, да и дышать как-то стало намного легче. Я даже принялся еле слышно насвистывать себе под нос старую пошлую песенку. Все из-за того, что я снова вернулся на войну. Здесь я был как дома, здесь все понятно и знакомо. Вот мы сейчас идем по мокрой пожухлой траве, а где-то там, за очередным косогором, возможно, нас ждет засада. И вполне возможно, что уже через час я буду лежать на земле, глядя стекленеющим взглядом в серое небо, а из разорванного брюха перестанет течь кровь. Вполне возможно... А может, все будет по-другому: нас встретят свои, напоят горячим чаем с бутербродами, накормят горячей кашей, щедро заправленной жирной свиной тушенкой.

Что-то я о жратве размышлялся. Есть, что ли, хочу? Неожиданно! Аппетит и желание есть у меня отсутствовали как явление уже полгода. Как в госпиталь попал, перенес несколько операций, так и отшибло любовь к чрезмерному чревоугодию. Хотя раньше пожрать я был первый парень на деревне. Это что, на меня так возвращение в родные пенаты действует?

– Сержант, у тебя есть что-нибудь перекусить?

– Есть перед боем вредно, – коротко отозвался Метла, но, порыскав в карманах, вытащил тощую пачку галет. – Если получишь ранение в живот, возможен перитонит.

– Это тебя так в учебке научили? – хмыкнул я, жадно вгрызаясь в пресные квадратики сухого печенья. – Думаешь, при ранении в живот самой большой твоей проблемой будут лишние пара съеденных галет? Как правило, в кишках любого человека несколько килограммов каловых завалов, и именно они и станут причиной перитонита, а уж никак не скудный завтрак. Еще есть что-нибудь сожрать? У меня аппетит проснулся, а это верный признак того, что все пройдет хорошо. Так что, сержант, надо бы задобрить моего «вещуна» и угостить чем-нибудь вкусным, а то удача уйдет.

– Шутишь?

– Нисколечко. На войне приметы и суеверия – это самое первое дело. У меня друган есть, Колян, по прозвищу Якут, так вот он вполне серьезно с духами разговаривал, и те ему отвечали. И всегда рассказы этих духов были... в масть. Он у них спрашивает, всякие подношения им подгоняет, а они ему рассказывают, что будет. Так что гони тушенку или сало! – подытожил я.

– Держи, предсказатель! – сержант протянул мне небольшую пластиковую банку паштета и плитку шоколада.

Нисколечко не смущаясь, я все это съел на ходу, даже не заметив, что гусиный паштет вприкуску с горьким шоколадом – это не совсем привычное сочетание.

К нужному месту мы добрались быстро, уложились за час. Последние полкилометра осторожно крались, несколько раз переползая по-пластунски открытые участки местности. Бойцы двигались неплохо, довольно умело перемещаясь, видно было, что они не зря жрали свой хлеб в учебке и там их хорошенько поднатаскали.

– Пшенкин, – позвал сержант одного из своих пацанов, – сиди тут и смотри в оба за проводником. Если что пойдет не так и в меня начнут стрелять, то ты сразу его кончай. Понял?

– Неожиданно, – удивился я такому крутому повороту событий. – Это с чего вдруг такие перемены? Или Рыжиков изначально планировал, что на встречу я не пойду? – спросил я у сержанта.

– Не твоего ума дело! – нервно хмурясь, отозвался Метла. – У меня свой приказ. Ваша забота – довести нас до места, вы справились, так что дальше сидите под кустиком и отдыхайте.

– Ясно, – отмахнулся я. – Сержант, ты гранату без чеки в руке зажми и держи так, чтобы ее видно было. Очень хорошо помогает в переговорах. Если там враги, то они должны захватить тебя живым, и граната в руках помешает им это сделать. И автомат со всей снарягой здесь оставь, так ты будешь легче и, если что, то драпать будет сподручней, а мы тебя с горочки огнем прикроем.

– Не учи ученого! – гордо выпятив грудь, заявил сержант. – Я не собираюсь драпать!

– Это ты зря, лишнее геройство вообще никому не надо, – спокойно ответил я на эмоциональный выпад сержанта. – Ты, главное, не тормози, если почувствуешь, что что-то идет не так, бросай гранату за спины встречающей стороны и сразу же тикай к нам.

Метла ничего не ответил и лишь многозначительно посмотрел на бойца с фамилией Пшенкин, потом пошел в сторону виднеющегося недалеко архитектурного ансамбля из двух разрушенных длинных коровников.

– Тебя как звать, Пшенкин? – спросил я у своего сторожа.

– Валера, – отозвался молодой боец. – А вас?

– Стас, но можно по батюшке – Палыч. А ты, значит, у нас Валера? Валерон! Прямо как певец Сюткин или Меладзе. Хочешь, я тебя буду называть Сюткин?

– Нет, не хочу.

– Зря, на войне клички быстро присваивают, а с твоей фамилией быть тебе Пшенкой или Кашей. Согласись, не очень благозвучно.

– А Сюткин что, лучше, что ли? Это вообще кто такой?

– Ты не знаешь Валерия Сюткина? – искренне удивился я. – Гонишь? Группа «Браво»! Их хиты «Оранжевый галстук», «Вася», «Дорога в облака»... Не слышал?!

– Нет, – смущенно пожав плечами, ответил боец.

– Ну, а о Меладзе слышал?

– Слышал. Он брат продюсера группы «ВИА Гра», а там у девок сиськи зачетные, – мечтательно произнес Валера. – Я бы любой из них вдул!

– Ладно, о бабах поговорим потом, – строго произнес я. – Дай бинокль, твой сержант уже добрался до коровников. Нечего клювом щелкать, предупреди остальных, чтобы смотрели в оба, – приказал я.

Пшенкин тут же принялся исполнять приказ. Хорошо, что он оказался такой легковнушаемый и не упертый, как Метла. Вся эта тирада о певцах и кличках нужна была только для того, чтобы установить контакт с молодым бойцом.

Глядя в оптику бинокля, я наблюдал за перемещениями сержанта Егора по кличке Метла. Двигался паренек весьма умело – низко пригнувшись и быстро передвигая ногами, пробежал пустое пространство и упал у одной из стен. Немного полежав в траве, видимо в этот момент он прислушивался, сержант осторожно поднялся и скрылся из виду, обойдя коровник.

– Ну что там? – спросил Пшенкин.

– Пока все нормально, не мельтеши, Сюткин, жди. Давай немного сменим позицию и выдвинемся вперед, вон на тот холмик? – показал я рукой.

– Зачем? – напряженно спросил боец. – Егор велел ждать его здесь.

– А затем, что если Метлу все-таки спеленали, то его сейчас уже потрошат, и он как миленький расскажет, где мы его ждем. Ты же не хочешь, чтобы нас сейчас накрыли огнем из агэеса?

– Нет, не хочу, но Егор, когда вернется, вломит мне звиздюлей.

– Скажешь, что я тебе угрожал револьвером.

– Каким еще револьвером?..

– Вот этим, – оскалившись, я показал ему наган.

– А, э-э-э?!.. – удивился боец.

– Все, Сюткин, не тупи, полезли за мной, – приказал я и, низко пригнувшись, двинул к соседнему холмику, который находился чуть в стороне. – Давай, не отставай.

Пшенкин немного помедлил, но все равно двинул следом за мной. Хороший пацан, решительный, выйдет из него толк. К холмику, похожему своей формой на раздавленный кекс, мы вышли за семь минут; передвигая ногами и внимательно осматривая округу, я считал про себя, фиксируя время.

– И что дальше? – спросил Пшенкин.

– Ждем и глядим в оба.

Больше вопросов Пшенкин не задавал, чем еще больше повысил градус уважения к нему.

Дождь прекратил сыпать с неба, и даже тучи немного разошлись в стороны, явив нам кусочек чистого неба. Того и гляди потеплеет, птички зачирикают и голуби начнут срать нам на головы.

Из-за угла коровника показались две фигуры. Одна принадлежала сержанту Егору по кличке Метла, а вторая – незнакомому человеку, чью морду закрывала черная «баба Клава», она же балаклава.

– Идут, – прошептал я. – Метла с кем-то. Второго держи на прицеле, – предупредил я Пшенкина. – Если крикну «Бей», сразу гаси его! Понял?..

– Понял, – отозвался Пшенкин, – но Метла мне вломит, как бог есть вломит!

– Не бзди, Сюткин, – успокоил я Валеру, вглядываясь в фигуру спутника Метлы. Что-то в походке второго было знакомое, как будто я его уже где-то видел. Ну, вот знаешь ты человека, часто с ним общаешься и запоминаешь, как он ходит, как держит руки во время движения. Вот и сейчас я мог руку дать на отсечение, что походка второго мне была знакома. Причем не просто знакома, а капец как знакома. Как будто это был кто-то из моих парней. Как будто... это был... Это?

Да нет, не может быть...

Да ну на фиг! Он же погиб. Сгорел в танке, расстреливая скудный БК трофейного «Булата». Как он мог здесь оказаться?!

Пашка Сахаров по кличке Сникерс... Живой?!

– Сюткин, у тебя балаклава есть? – враз осипшим голосом спросил я.

– Да.

– Дай сюда!

Глава 3

– Вот такие пироги с котятами, – закончил я свой рассказ. – Ну, а ты как докатился до такой жизни? Как вообще удалось выжить, да еще и затесаться к вражинам в доверие?

– Повезло. Из горящего танка меня вытащил укропский механик, помнишь, тот самый, которого мы вместе с танком захватили. Я без памяти был, очнулся уже на пункте сбора раненых. Оказалось, что контузия. Укры меня приняли за своего, у них там вообще неразбериха в армии, по сути, там и армии никакой нет, так, сборище различных частей и подразделений, которые непонятно кому подчиняются. От госпитализации я отказался, пересидел в батальонном военно-полевом госпитале, а когда окончательно встал на ноги, оказалось, что часть, к которой был приписан тот боец, за которого меня приняли, полностью уничтожена. В общем, напросился в механики одной из автобаз в Ленинском районе, где понемногу занимался вредительством и сбором разведанных. За последние три месяца активной работы уничтожил шесть офицеров ВСУ и совершил три диверсии.

– Нормально, – похвалил я друга.

– На самом деле можно было и больше сделать, просто я максимально зашифровался. Но только ты не подумай, что из-за страха быть раскрытым, нет, просто я с самого начала верил, что в скором времени наши вернутся, и мы перейдем в наступление.

– Сникерс, я бы в жизни не заподозрил тебя в трусости, – успокоил я Сахарова. – В тупости или лени заподозрил бы. Это легко, но не в трусости!

– Блин, Псих, как же я по тебе соскучился. Уж теперь мы точно что-нибудь такое замутим, что укры такими кровавыми слезами умоются...

– Товарищ Белый, извините, что я вас перебиваю, – вмешался Рыжиков. – Но давайте все-таки что-то делать! Сейчас нет времени трепаться, вспоминая прошлое.

– Белый! – в очередной раз съязвил я. – Сникерс, откуда такая погрехуха? Типа сахар – белая смерть?

– Крылов! – истерично взвизгнул старлей. – Я бы вас попросил!

– Проси, – смилостивился я.

Сникерс спрятал улыбку и сделал вид, что смотрит в другую сторону. Я в очередной раз взглянул на бывшего подчиненного и лишний раз убедился, как быстро на войне меняется человек. В нашей старой команде Сникерс был самым молодым, бесшабашным и озорным. Эдакий сельский дурачок. В старые времена он ко мне обращался исключительно на «вы» или по отчеству.

А сейчас? Сейчас передо мной был совершенно другой человек. Жесткий, злой, с пустыми холодными глазами. Седая голова, шрамы от ожогов. Сникерсу пришлось тяжело, врагу такого не пожелаешь. Жить среди тех, в кого совсем недавно ты стрелял, среди тех, кто убивал твоих товарищей, кто на твоих глазах расстреливал мирных жителей. Притворяться своим среди чужих. Это тяжело, это невыносимо трудно...

Честно говоря, когда я заметил, что связной – это Сникерс, то вначале подумал, что он враг! И когда я снял при нем балаклаву, то в руке за спиной у меня был пистолет, если бы хоть один мускул на лице Сахарова показал, что он «не рад» меня видеть, я бы открыл огонь, несколько не сомневаясь.

– Да что это такое? – по-бабьи всплеснул руками Рыжиков. – Крылов, вы здесь на птичьих правах, чего вы вообще в разговор влезаете?

– Рыжиков, тебе надо что-то делать с твоей интеллигентностью, в бою она сильно мешает, слишком долгие и длинные у тебя команды. Надо проще. К примеру: к черту свалил из палатки, ушлепок! Причем это тоже долго. Хороший командир одним взглядом дает понять, что хочет от подчиненного, – посоветовал я старлею.

– Товарищ Белый, давайте все-таки вернемся к нашим баранам. Еще раз спрашиваю: что нам делать? Какие задачи выполнять?.. – Рыжиков сделал вид, что я пустое место, и вновь засыпал вопросами Сникерса. – Время идет, а мы здесь сидим без дела!

– Лейтенант я же уже говорил, что мне нужно было вас только встретить и обеспечить выполнение поставленных *вам* задач! – ответил Сахаров.

– Но мне никаких задач не ставили, это вы должны мне поставить задачи! – настаивал Рыжиков. – С командованием я связаться не могу из-за соображений секретности, вы мне задач не ставите. Что мне делать?!

– Самому себе поставить задачи, – предложил я. – В чем проблема?

– Крылов?! Ну хватит уже! Выйдите вон! – старлей вскочил с ящика и наполеоновским жестом указал на выход из палатки.

– Я-то выйду, – с видом обиженной гимназистки произнес я, – но что вы без меня делать будете? К примеру, именно я возглавлял отряд добровольцев, который максимально эффективно действовал конкретно в этих местах. Так что, мне выходить или остаться?

– Оставайтесь, – обреченно махнул рукой Рыжиков. – Вы же здесь давно уже, товарищ Белый, посоветуйте, где лучше всего нанести удар по врагу? – обратился старлей к Сникерсу.

– Старлей, а ты молодец, другой бы на твоём месте сразу бы бросился вплавь на ту сторону пролива, – похвалил я Рыжикова, но, заметив, что он чуть ли не взорвался от моей похвалы, тут же перешел на деловой тон: – Сникерс, а ну, накидай нам целей. Что тут у вас можно взорвать?

– Вы хотите целей? Их есть у меня. Значится так... – Сахаров достал из кармана карту города и его окрестностей и принялся тыкать в нее пальцем. – Вот тут у нас старый карьер, село Бондаренково, здесь же располога карательного батальона «Готенланд». Мы ударим по ним ночью, потом на машинах отойдем вдоль моря и ударим по Багеровскому аэродрому, там стоят шесть вертолетов, ремонтная база и цистерны с горючкой. Ты же помнишь, Псих, что по ним можно отстреляться издалека с близлежащих холмов. Ударим из ПТУРов и «Утесов». Дальше, ныкаемся в Багеровских каменоломнях и, как только враг успокаивается, вновь наносим удар. Целей много, да и каменоломен, где спрятаться можно, тоже хватает.

– Нормально, – прокомментировал Рыжиков. – Предварительную разведку надо проводить?

– Нет, я там все лично разведал, – ответил Сникерс. – Месяц на пузе лазил.

– В каменоломнях придется сидеть не меньше недели, – вслух подумал я. – В полной темноте, сырости и холоде. Рыжиков, среди твоих бойцов нет тех, кто боится замкнутых пространств? Клаустрофобия, если по-научному?

– Не знаю, – пожал плечами Рыжиков, но тут же поправился: – Если надо, потерпят! Ну, а вы что скажете на предложения Белого?

– План, конечно, хорош, но как-то мелковат. Местечково! Размаху не хватает!

– Понятно дело, – развел руками Сникерс. – Это у тебя, Псих, обычное дело захватить вражескую «броню», «Грады» и разносить укров целыми полками!

– Это да, я такой. Ну, ладно, как говорил Леонов в фильме «Джентльмены удачи», финита ля комедия! – с этими словами я закатал рукав куртки и показал надпись, сделанную на коже несмываемым хирургическим маркером – 1882.

– А-а?!.. – Рыжиков удивленно распахнул рот. – Так вы что, и есть наш командир теперь? Зачем комедию ломали и сразу не назвали пароль?

1882 – это пароль, который должен быть назван старшему лейтенанту Рыжикову тем, к кому переходят в подчинение он и его подразделение.

– Комедия нужна была для того, чтобы понять, что ты собой представляешь, лейтенант Рыжиков. Вдруг ты бы сразу сказал, что надо валить отсюда подальше или сразу сдаться в плен.

– Тоже такое скажете, – скривился старлей. – Как это может быть, чтобы своих бросить или в плен сдать? – искренне удивился Рыжиков.

– Вот, например, жил-был себе полковник, с хорошим послужным списком, начальство его любило, подчиненные его боготворили, а главное, Родину он любил до коллик в животе, патриотом был! А как войнушка началась, так он подчиненных бросил, по факту врагам сдал весь полк, а сам к вражинам переметнулся. Продался, сука, за бочку варенья и корзину печенья. А есть другой пример: сержант заперся в танке и давай из пушки стрелять; ему в рацию кричишь, что, мол, Сникерс, гад, бросай броню, у нее гуся сбита, вали оттуда. А он в ответ: ни за что, у меня еще снаряды есть, я танк не брошу. Так и сгорел! Мог уйти, но не ушел, сгорел вместе с танком. Правда, Сахаров?

– Ой, Палыч, не начинай. Как сложилось, так сложилось. Не сгорел до конца, и слава богу.

– Все, теперь по сути. Сникерс, как планировалось перевозить и доставлять людей?

– В моем хозяйстве три большегруза, прицепа «Тонар», таскаем песок. Вблизи Керчи нас никто не проверяет, ну и по Ленинскому району тоже нормально все, у меня все кто надо прикормлены. На них и хотели перевезти бойцов, прикрыли бы брезентом, никто бы не заметил.

– А дальше сможешь доехать? – заинтересовался я. – До Джанкоя или хотя бы в село Советское?

– Нет. Там «блоков» больше, чем мандавошек у проституток. По-любому досмотрят.

– А как досматривают? Заставляют груз высыпать?

– Нет. Штырями щупают, и все. А что?

– Если мы на дно ящики уложим со снарягой, а сверху песочком закидаем... Заметят?

– Черт его знает, – пожал плечами Сникерс. – Ты чего задумал, Псих? Хочешь в самое пекло полезть? Там же укров, бармалеев и пиндосов как собак нерезаных.

– Ты по делу скажи. Сможешь провезти груз или нет?

– Смогу. Деньги есть. Если просто ящики на дне, то легко. Куда везти и когда?

– Второй вопрос... В Золотом по-прежнему браконьеры стоят?

– Ясный-красный стоят, куда они денутся... Им что одна власть, что вторая, по фигу! Рыбка идет, копейка капает! А чего от них надо-то?

– Короче, план такой: народ переправим к нужному месту на филиюгах браконьеров, а всю снаряды ты довезешь.

– Тогда еще раз спрошу: куда груз надо везти?

– Вот сюда, – через минуту ответил я, показав нужную точку на карте полуострова. – Сможешь?..

– Смогу, – твердо произнес Сникерс. – А ты уверен?

– Более чем. Знаешь, что у нас вот здесь?.. – я еще раз ткнул в карту, но на пару километров севернее. – Лагерь для военнопленных, а по соседству добробат, у которого в хозяйстве есть парочка танков, батарея минометов, две установки «Град» и кое-что по мелочи – бэтээры и БМП. А в паре километров от добробата, вот тут... – вновь указал я место на карте, – аэродром, на котором располагаются турецкие беспилотники и итальянские вертолеты. Как вам такой размах?

– Нормально! – довольно оскалился Сникерс. – Палыч, как хорошо, что ты вернулся! Мы ж теперь всех вражин на британский флаг порвем!

– Я что-то не понял, вы собираетесь все это проверить силами одной неполной роты? – округлил глаза Рыжиков.

– Ага, – кивнул я. – Причем это только начало, в Крыму действуют несколько десятков подпольных групп и с десятков партизанских отрядов. Так что не переживай, нам надо только начать, а потом все подтянутся и начнется такое веселье, что у вражин земля под ногами гореть будет! – твердо произнес я.

– Якут как узнает, что ты вернулся, по-любому захочет со своим отрядом к нам присоединиться, – уверенно произнес Сникерс.

– И не только Якут, – ответил я.

Вызвал к себе командиров взводов и отделений, поставил им задачи по боевому охранению и переброске к месту, откуда нас могли забрать на грузовиках люди Сахарова.

Переноска ящиков с боеприпасами и снаряжением затянулась до поздней ночи. Потом еще загружали ящики в прицепы грузовиков и маскировали их мокрым песком. Все это под морозящим противным, мелким дождем и стывлым порывистым ветром. Бойцы промокли насквозь, пришлось развести небольшие костры для обогрева и приготовления пищи. Благо стены разрушенных коровников и серая пелена дождя скрывали огонь от посторонних глаз.

Утром, погрузившись в прицепы трех тягачей, выдвинулись в сторону азовского побережья Керченского полуострова. По сути, путь должен был занять не больше часа, но машины двигались медленно, потому что ехавшая впереди дозорная «Нива» частенько останавливалась – Сникерс осматривал дальнейший путь в оптику бинокля. До окрестностей села Золотого добрались лишь через три часа. Зато никого не встретили и трассу Керчь-Феодосия пересекли быстро и незаметно. Сверху прицепы были прикрыты тентами, бойцам внутри было удобно и сухо, дождь, сыпавший сверху, не донимал их.

С Рыжиковым мы легко нашли общий язык, мне даже показалось, что он обрадовался тому, что над ним теперь есть командир и не надо самому принимать тяжелые решения, от которых зависит не только твоя жизнь, но еще и жизни без малого сотни молодых парней.

Еще раз обсудили, где и через какое время мы должны встретиться с автомобильным караваном Сникерса. После этого Сахаров и шестеро его людей отбыли на трех грузовиках прочь.

Роту спрятали в глубоком овраге в паре километров от морского побережья, а я, в сопровождении шестерых наиболее опытных бойцов, выдвинулся в сторону села Золотого, где и располагалась стоянка рыбодобывающей артели.

Ну вот и началась активная фаза операции под кодовым названием «Магнит»...

Глава 4

Зимой над Азовским морем преобладают низкие слоистые облака, весной – облачность верхнего и среднего ярусов, летом – облачность среднего яруса и кучевая облачность. Осенью снова увеличивается повторяемость низкой слоистой облачности. В соответствии с этим летом преобладают ливневые осадки, зимой – обложные. Короче, погода – дрянь! Но для диверсантов, разведчиков и прочих ночных татей подобная погода – самое то!

Азовское море замерзает каждый год. Обычное явление, когда лед неоднократно появляется и тает в течение одного сезона. В разгар зимы лед может покрывать всю акваторию Азовского моря и образовывать почти сплошной припай – неподвижный ледяной массив вдоль берегов. В этом году с температурами повезло, морозов практически не было, поэтому лед на морской глади даже возле берега не встречался.

Длинные деревянные лодки, ведомые за собой стареньким сейнером, тяжело переваливались на мелких волнах. Шесть лодок, груженных бойцами, шли медленно и тяжело, сказывался большой перегруз. Даже страшно себе представить, что бы было, будь сейчас волнение побольше. Потонули бы все к чертовой матери! А с учетом того, что на каждом бойце снаряги по пятьдесят кило, то тут выплыть наружу без вариантов, будь ты хоть самым лучшим пловцом и ныряльщиком в мире. Наша цель – середина многокилометровой Арабатской стрелки, там мы высадимся и продолжим дальнейший путь пешком. Ну как пешком? Пешком было бы слишком просто, мы будем изображать из себя «бурлаков на Волге», но только еще сложнее. Бурлакам, им что? Тащи лямку, запряженную в посудину, идущую по воде. А у нас что? У нас – посудину надо тащить по сырому песку. И это все не в знойный летний день, а в стылый ноябрьский вечер, когда под бушлат залетает промозглый морской ветер, а на голову сыплет противный мелкий дождик. Уловили разницу? Вот и представьте: каково это? Охренели?! Ну еще бы... я сам в шоке!

– А вы уверены, что мы справимся? – в очередной раз спросил Рыжиков.

– Конечно же, – хмуро буркнул я. – Фигли там справляться! Перетащить пару лодок по стометровке в песке. Не бзди, летеха, мы спецом выбрали самое узкое место на косе. У нас просто другого выхода нет!

– Но можно же было остаться в той зоне, что была расписана нам с самого начала.

– Рыжиков, я тебе в тысячный раз повторяю: там нет места для оперативного простора. Нагнали бы авиации и покروшили бы нас за сутки. Оно тебе надо? Что, совсем пацанов и себя не жалко? А мне вот жалко! Я просто так умирать не хочу, и не потому, что боюсь, а потому что мне надо как можно больше вражин угандошить! Зрозумыв?! Так что не бзди, летеха, живы будем – не помрем! Будешь меня слушать – генералом станешь!

Сейнер подошел вплотную к берегу. Дед, который правил утлым суденышком, не боялся сесть на мель, он сразу сказал, что дальше пойдет с нами, потому что резона возвращаться обратно в село Золотое у него не было. Ну еще бы, после того как я расстрелял всех его подельников по браконьерскому бизнесу. Спросите, из-за чего расстрелял троих мужиков? Не хотели идти на контакт, а времени на уговоры не было, да и оставлять за спиной такой тухлый контингент не имело смысла. Я им прямо сказал, что, мол, мужики, Родине нужны ваши лодки и сейнер, а они меня в известном направлении с Родиной послали. Ну, вот пускай теперь, где бы они после очереди в упор из автомата ни оказались, себя и винят за несговорчивость.

Как самый главный в этом отряде, я высадился с борта лодки, только когда ее подтащили вплотную к берегу, сошел прямо на песок. Ну а че, не барское это дело – свои командирские ножки мочить.

Пару лет назад, еще в мирные времена, меня возили куда-то в эти места на рыбалку. Ловить должны были с берега пеленгаса; но той рыбалки я не помню. Меня привезли и увезли пьяного, вроде я даже удочку в руки не брал.

Бойцы сняли с себя снарягу, свалив ее в большую груду, на себе оставили только автоматы с пристегнутыми магазинами, на случай внезапной атаки или засады, чтобы дать хоть какой-то отпор. Потом запряглись в лямки и принялись волоком тащить лодки по песку. Задача – перетаскать плавсредства через песчаную косу Арабатской стрелки и добраться до соленой воды Сиваша.

Высадку рассчитали вроде верно, в этом месте ширина стрелки не превышала трехсот метров. Взрослый человек это расстояние пройдет прогулочным шагом за считанные минуты. Лодки перетаскивали больше трех часов. У пахались вусмерть. Пот лился в три ручья, многие разделись до тельняшек, не обращая внимания на ночную холодрыгу.

Первые две лодки столкнули в воду и установили на них подвесные моторы, экспропрированные у браконьеров. К первым лодкам, выступавшим в роли локомотивов, подцепили на буксир еще по две посудины. Получилось два мини-каравана. Просто и незамысловато. Так и надо. Чем проще операция, тем она надежней. Разве что таскать на себе огромные тяжести – это дьявольски трудно, но это человеческий, мужицкий труд, а кто с ним считается на войне? Никто! Война, она только в кино выглядит пафосно и красиво: выстрелы, взрывы, гладковыбритые герои, которые в любых ситуациях носят ладно уложенные прически, а ногти на руках даже у мужчин аккуратно подстриженные, ровные.

В жизни война – это тяжелый труд, состоящий из кровавых мозолей, стертых ладоней, обожженных лиц, обмороженных пальцев, сорванных связок и вылезших на ногах вен.

А еще, война – это запах, а точнее – *вонь!* На войне воняет *все!* Воняют ноги, нестиранные портянки, воняют немые тела, воняют раны, воняют земля и воздух кислым запахом сгоревшей взрывчатки. Так что в двух словах реальная война – это труд и вонь!

Через Сиваш мы переправлялись больше часа, хоть расстояние было и плечевое, но браконьерские мощные моторы издавали слишком громкий рев, чтобы включать их на полную силу, поэтому мы и крались, аки ночные тати.

Высадка прошла не так гладко, как посадка, западный берег Сиваша был слишком заилен и представлял собой сплошное болото, в котором ноги вязли по самое не балуй. Если бы не придумка Фомича, то мы извазюкались бы по самые уши, да еще потеряли половину снаряжения. Старик предложил использовать лодки с мотором как противовес и лебедку. Для этого на берег отправили троих бойцов, которые перекинули через бетонный столб веревку. Один конец ее был закреплен к буксиру, а второй – к лодке с грузом и людьми. Буксир тащил веревку, та тянула вторую лодку, перетаскивая ее через грязь. Жалко, что у нас не было ролика, чтобы веревка не рвалась, перетираясь о столб. Но тут уж работаем с тем, что есть...

Выгрузив все снаряжение, я дал час на короткий отдых, чтобы бойцы осмотрели себя, перемотали портянки, смазали натертые части тела и переложили вооружение и боеприпасы. Теперь мы вышли на боевой маршрут, находясь в глубоком тылу противника.

Вышли на связь с Сахаровым, Сникерс отозвался быстро, доложил, что все о'кей и он выдвигается к нам навстречу, причем у него есть отличные новости.

Бойцы ели из сухпайков прямо на марше, запивая энергетическими напитками из небольших одноразовых пакетов. Хоть какая-то польза от этих импортных наборов, где вся едаублимирована и распихана в тубики и пакеты.

Действительно, уже через час, пройдя около пяти километров, тройка Метлы, шедшая передовым дозором, доложила, что встретила Сникерса. Ночь плавно отступала, на востоке темнота постепенно серела, и скоро должно было совсем рассвети.

На низком горизонте лежит слоями беспросветная мгла. В ней пропадают очертания невысоких берегов. Кое-где в этой туманной мгле опускаются над морем серо-белые полосы.

Это идет снег. Мокрый и противный, налипающий склизкими слоями, как в испорченном торте.

Пашка встретил меня широченной, от уха до уха, улыбкой.

– Че лыбишься? – недовольно спросил я, злясь на промокшие ботинки. – В лотерею миллион выиграл?

– Лучше! Я тут по дороге, на «блоках», пробил про твой лагерь для военнопленных, и вырисовываются отличные перспективы. Командование этого лагеря массово практикует сдачу своих подопечных в аренду для хозработ. Прикинь?

– Да ладно, – отмахнулся я. – С чего бы вдруг такая беспечность?

– В том лагере содержатся в основном местные мужики из окрестных сел. Нахватали всех кого смогли для заложников. Ну, ты помнишь по Донбассу, как это бывает. Во-первых, бесплатная рабочая сила. Во-вторых, всегда можно тянуть жилы из родни. В-третьих, всегда есть кандидатуры на роль «сепаратистов» и «террористов» – для отчета перед начальством.

– И что ты надумал?

– Думаю, надо подкатить к ним и попросить в аренду десяток пленных, типа для погрузки камня в мои «тонары». Понятно, что они отпустят пленных с небольшой охраной, но мы конвоиров передадим как кутят. А потом переоденемся в их форму и, когда приедем обратно, захватим этот лагерь без шума и пыли.

– Нормальный план, – одобрил я. – А что ты им в качестве платы предоставишь? И где гарантия, что они не захотят проверить то место, где ты собираешься грузить камень?

– С этим вообще никаких проблем... – Сахаров вытащил из своего рюкзака плотно набитый тканевый мешочек.

Развязав тесемки, Сникерс высыпал его содержимое себе на ладонь. Золотые украшения: серьги, кольца, браслеты, цепочки, подвески. Все новое, в небольших зип-пакетах с бирками и пломбами проб. Показав содержимое мешочка, Сникерс убрал все обратно, а потом достал еще и пару туго набитых пачек с деньгами. Одна пачка – серо-зеленые банкноты с американскими президентами, вторая пачка – украинские гривны.

– Думаешь, хватит? – усомнился я.

– Более чем, – отмахнулся Пашка. – У хохлов очередной кризис, на вояк забили, и те опять голодают и распродают все помаленьку. Так что грех этим не воспользоваться.

Ничего в этом мире не меняется: солнце встает на востоке, а садится на западе, дождевые капли летят сверху вниз, а не наоборот, а в украинской армии, как всегда, разруха, разброд и коррупция! Политическое руководство страны наживается на армии; армейское командование наживается на своих подчиненных; простые вояки тырят все, до чего дотягиваются их вороватые ручки, меняя украденное на водку и наркотики. Ну а что вы хотели от «второй» по силе армии в мире?

Власти приловчились к осуществлению коррупционных схем, идя по стопам предшественников. Чего стоит история с закупкой тысячи обновленных грузовиков КрАЗ-63221 для нужд армии. По «счастливой случайности» Смелянский литейный завод в Черкасской области, получивший заказ, оказался собственностью народного депутата от «слуг народа» Александра Завитневича, который возглавлял комитет Верховной Рады по обороне. Депутат предусмотрительно переписал предприятие на супругу, игравшую когда-то с Зеленским в КВН.

Бойцов разместили в разрушенном здании старого ангара, когда-то здесь складировали соль и кипела жизнь, а сейчас царили запустение и разруха, крыша провалилась внутрь, лишь по краям стен сохранились жалкие остатки кровли. Вдоль стен натянули тенты и развели бездымные костры. Я приказал отдыхать, набираться сил и готовиться к бою, разобрав дальнобойное оружие – ПТУРЫ, которые вытащили из кузовов грузовиков.

Немного посоветовавшись с Рыжиковым и Сникерсом, решили здесь обустроить временный лагерь. Пока остальные отдыхали, я переоделся в сухую одежду, наскоро перекусил тем, чем угощал Сникерс, и, взяв с собой тройку сержанта Метлы, отправился с Сахаровым на его «Ниве» на разведку к лагерю.

До лагеря было не больше десяти километров. Хорошо, что здесь все рядом, и погода прям в тему: низкие тяжелые тучи, мелкий противный дождик – все это отлично подходит для диверсионной работы. Авиации нет, дронов-разведчиков нет; караульные на вышках и в капонирах, кутаясь в плащ-палатки и дождевики, дальше своего носа ничего не видят.

Лагерь для военнопленных представлял собой два длинных коровника, красовавшихся кирпичными заплатками на стенах и окнах. Рядом с коровниками, обнесенными сетчатым забором, поверх которого кружева колючей проволоки, – двухэтажное здание, пара ангаров для техники и несколько хозяйственных построек. Периметр лагеря обнесен двумя нитками сетчатого забора, перед которыми, судя по перепаханной земле, минные заграждения. Шесть вышек с пулеметами и прожекторами. Просто и незамысловато.

Коровники – для заключенных, двухэтажная бетонная коробка – для охраны, вышки с круглосуточным караулом. Только собак не хватает для полноты картины.

– Хорошо, что собак нет, – подумал я вслух, оглядывая в сотый раз лагерь сквозь оптику мощного бинокля.

– С собаками надо уметь управляться, а тут охрана – сброд какой-то из нацгвардейцев и добровольцев, – прошипел мне в затылок Сникерс. – Только надо их брать вечером, чтобы все пленные вернулись назад, а то не хватало еще нарваться на какого-то ретивого служаку.

– Значит, давай сейчас разведаем подходы к аэродрому и добробату. А вечером наведаешься сюда и договоришься на утро с арендой десятка пленных. К вечеру пленных вернем и захватим лагерь. Ночью подготовим захват добробата и ранним утром его осуществим. Обстреляем аэродром и укатим отсюда на захваченной технике, – предложил я.

– Пойдет, – согласился Сахаров.

– Тогда дуй обратно к нашим и привези бойцов для разведки, а еще Рыжикова захвати.

Пока Сникерс ездил на своей «Ниве» за подмогой, мы с Метлой и его бойцами облазили на пузе окрестности лагеря вдоль и поперек. Примерно в десять утра к лагерным воротам подкатил китайский грузовичок с ящиками и бидонами, его пропустили внутрь, через час он укатил обратно, но теперь в кузове вместо груза сидели скованные общими кандалами четверо облаченных в лохмотья, заросших мужиков и двое облаченных в светлый камуфляж автоматчиков. Еще через час подкатила старенькая «Газель», которая забрала двоих заключенных и одного караульного. То ли из-за погоды, то ли из-за отсутствия заказчиков, но больше к лагерным воротам никто не подъезжал. Что-то, походу, бизнес у лагерного начальства не очень ладится? Так этим тварям и надо!

Когда вернулся Сникерс, мы разделились на две части: я с Метлой и его тройкой отправился к добробату, а Сникерс с Рыжиковым и еще парой бойцов остались осматривать лагерь, чтобы потом переместиться к аэродрому, маячившему своей наблюдательной вышкой в паре километров к западу.

Вновь повторюсь: хорошо, что здесь все рядом! Пара километров – это отличная дистанция для уверенной работы из минометов и танковых пушек. Не надо будет никуда катить и лезть на минные заграждения – как белые люди, отстреляемся издалека, раздолбаем вражеские вертолеты в ангарах и укатим вдаль!

После осмотра подступов к добробату, особенно уделив внимание их технопарку, меня посетила интересная мысль, которую при первой встрече я тут же и обсудил с Сахаровым.

– Сникерс, а как думаешь, получится у добробатовцев выменять на бухло грузовик?

– На бухло? – задумался Сахаров. – Конечно, получится. Хочешь их спить?

– Ага. Кстати, надо точно узнать, сколько их там. По моим данным, не больше роты, остальные укатили в Киев на очередной Майдан.

– Ну, тогда этим завтра и займемся, разживемся достаточным количеством самогона. Знаю я пару местечек, где можно на ящик гранат сменить пару сотен литров алкоголя.

– Ну вот и отлично. Что ж, тогда сейчас всем отдыхать, а завтра нас ждут великие дела, – подытожил я.

Глава 5

Запихнув в себя последний кусок обветрившейся кровяной колбасы, протянул руку, чтобы схватить жестяную кружку с кофе, но кружки на положенном месте не оказалось. Оглянулся. А, ну понятно: моя кружка уже была у Сникерса в руках, и он с довольной улыбкой отхлебывал из нее. Понятно дело, при этом он харчил очередной шоколадный батончик «Сникерс». Собственно, за любовь к сладкому, а особенно к этим буржуйским батончикам, Сникерс и получил свою погремуху.

– Кружку верни! – строго приказал я.

– Чего? – не понял Сахаров. – А, на, держи! – Сникерс махом допил содержимое кружки и протянул ее мне. – Псих, а ты уверен, что все выгорит? Уж больно как-то все по-заумному. Не по-нашему как-то. Че, нельзя просто всех покрошить в мелкий салат и не заморачиваться с этими постановками?

– Нельзя, – отмахнулся я, проверяя изменения разведобстановки, которые пришли мне на планшет. – Мы здесь не просто так, а в соответствии с заранее утвержденным планом. Под нас где-то там, – я кивнул в сторону востока, – работают умные люди за компьютерами. Так что без всякой самодеятельности. Ясно?!

– Крылов, я требую, чтобы вы предоставили мне канал связи с моим начальством! – вновь забубнил старлей Рыжиков. – Я не собираюсь участвовать в этой... в этой...

Старший лейтенанта вновь не смог сформулировать, в чем он не желает участвовать, его опять согнуло пополам, и он полез в кусты блевать. Слабоват оказался наш Рыжиков желудком. Даже странно: когда я расстрелял браконьеров в Золотом, он вроде от вида крови не блевал, а тут как будто «развязался», уже третий раз выворачивается наружу.

– Это у него организм не принимает вражеский сухпай, – с видом знатока из телевизионной передачи «Что? Где? Когда?» заявил Сникерс. – Ничего, ща добробат захватим, у них на кухне поживимся салом и цибулей!

– Нет, это он из-за того, что Палыч после допроса пленных стал сразу жрать кровяную колбасу, вот лейтенантика и вывернуло. Бывает, психология у него слабая, не привыкшая еще, – с видом еще одного знатока из телевизора поддакнул Фомич.

– А нечего было мне эту колбасу пихать, откуда я знал, что он у нас такой неженка. В конце концов, я же колбасу не из человечины ел, – пожал я плечами.

– Псих, а ты когда-нибудь ел человечину? – заинтересовался Сникерс.

– Дурак, что ли? Нет, конечно, – отмахнулся я. – Пашка, ты мне лучше скажи: они точно другой дорогой не поедут?

– Нет, другой дороги здесь нет. Одна дорога! И по бездорожью тоже не поедут, потому что в этих солончаках можно так на пузо сесть, что даже танком не вытащить.

– И все-таки!.. – отблевавшись, Рыжиков вновь затянул свою шарманку.

– Летеха... уймись! – шепотом цыкнул я на него. – В последний раз тебе говорю: мне плевать на международные конвенции! Мне плевать на твои гневные взгляды и угрозы отдать под трибунал. Ясно?! У меня есть задача, и мы ее выполним! Если ты еще раз вякнешь про моральные ценности и принципы, то я тебе сломаю руку, и будешь ты у меня сидеть в землянке в ожидании полного освобождения Крыма. Понял?

– Понял, – через пару минут сокрушенно прошептал лейтенант. – Жалко, что сам же вам и предложил этот зверский план.

– Вот за светлую мысль тебе спасибо, тут уж действительно удружил. Молодец! Голова у тебя варит что надо, следует только уровень совестливости малость уменьшить, и будет из тебя матерый воин и диверсант!

Чтобы понять, что у нас тут за моральные терзания происходят со стороны старшего лейтенанта Рыжикова, надо вернуться на пару часов назад и рассказать все с самого начала.

После ночи, проведенной частью нашего отряда в разведке подступов к концентрационному лагерю и распологе добробата, утром мы приступили к активным действиям. Сахаров заявился под стены лагеря и, проведя там около часа, вышел в сопровождении десяти пленных и трех конвоиров. Все они были посажены в кузов грузовика и привезены в условленное место, где пленные были освобождены, а конвоирующие их бойцы украинской армии, наоборот, разоружены и связаны.

Пленных быстро допросили, причем допрос я проводил в присутствии нескольких десятков бойцов нашего отряда. После двадцатиминутного допроса один из вражин обосрался от страха, причем не фигурально, а вполне реально.

Вот в этот самый момент лейтенант Рыжиков и затянул свою шарманку о зверствах, недопустимости проведения пыток над солдатами вражеской армии, захваченными в плен, и о соблюдении каких-то там международных конвенций. Я поначалу было подумал, что Рыжиков втянулся в «игру» и пытается разыграть схему «плохой и хороший следователь». Старлей даже предложил вполне неплохой вариант захвата концлагеря, но потом я понял, что Рыжиков и вправду переживает о каких-то только ему понятных нормах морали и нравственности.

Ладно, это у него просто от неопытности, поживет с мое и, если выживет, тоже станет такой же, как и я, сволочью и моральным уродом. Война – училка строгая, и она скоренько выбивает всякую романтическую дурь из башки.

Из допроса пленных выяснилось, что на данный момент в лагере сто шестнадцать заключенных и сорок три охранника. Охрана вооружена автоматами, пулеметами, есть пара ранцевых огнеметов и приличный запас РПГ. Также в их арсенале несколько зенитных установок на базе счетверенных крупнокалиберных пулеметов Владимирова и два 82-миллиметровых миномета. Из той техники, что на ходу: один «Хаммер» командира лагеря, три тентовых «Урала», БРДМ-2 и пара мопедов, реквизируемых у местного населения.

Также пленные рассказали и о состоянии дел в добробате. У тех все было не так радужно. Как заведено в украинской армии, там обычно воруют все, что можно, а поскольку напрямую начальству на добробат плевать, то там все ценное давно уже вывезли обратно на Украину, где и распродали. Из серьезного вооружения у добробатовцев остались только две установки БМ-21, они же «Грады», десяток 82-миллиметровых минометов, одна «зушка», БТР-80, БМП-2, несколько БРДМ и танк Т-64. Причем танк и «Грады» были не на ходу. То, что техника, особенно РСЗО, были «мертвыми» и не могли передвигаться самостоятельно, было очень плохо, можно сказать, капец как плохо! Из-за этих раздолбаев в добробате у меня накрывался замечательный план по убиению сразу трех зайцев одним выстрелом! Из стрелкового оружия что-то тоже имелось, но сколько точно там автоматов и пулеметов, «языки» не рассказали, так как не владели информацией.

То же самое касалось и сведений о количестве личного состава. Дело в том, что у «добровольцев» царили анархия, разброд и шатания. К ним постоянно кто-то приезжал, записывался в ряды «истинных патриотов», кто-то, наоборот, уезжал обратно домой, кто-то сбегал в другие части, кто-то прибегал из других, таких же «полудиких» добробатов, кто-то ездил вахтовым методом на Майдан в Киев. Короче, сколько там «воинов Света», так и не разобрались, вроде как получалось около сотни, плюс-минус десяток рыл.

Рыжиков предложил выйти на связь с командованием лагеря и одному из пленных сообщить, что они сейчас находятся где-то поблизости, где грабят какой-нибудь особо богатый дом, или нашли машину, полную ништяков, и им капец как нужна подмога. А когда лагерники кинутся на эту приманку, то захватить их и точно так же обезоружить.

Что до заключенных, которых мы освободили, то здесь все оказалось тоже не так радужно, как я предполагал изначально. Из десяти освобожденных нами пленников только

один обрадовался освобождению и согласился идти с нами, остальные же чуть ли не в голос разрыдались. А все из-за того, что они прекрасно понимали, что практически играют роль заложников и теперь у их семей будут серьезные проблемы. Поэтому они и не обрадовались своему освобождению. Вот такой вот поворот!

А вот десятый освобожденный – невысокий крепыш, лет двадцати от роду, представившийся Бамутом, – увидев, что я самолично зарезал двух «укропов», тут же подскочил ко мне и яростно начал мне докладывать:

– Товарищ командир, товарищ командир! Разрешите представиться? Боец партизанского соединения «Север» Семен Воршавин, позывной Бамут, выполнял в концлагере задание командования отряда по сбору разведанных. А вы из какого отряда?

– А ты точно из партизан? – подозрительно нахмурился я. – Как зовут командира отряда?

– Виктор Иванович, – тут же отозвался Бамут.

– А как зовут вашего политрука? – заглянул я в свой планшет. – Денис...

– Не понял? – удивленно округлил глаза Семен. – Какой политрук? Нет у нас политрука.

Из командования единственный Денис – это Денис Львович, но он доктор, хороший мужик, хоть и еврей.

– А ты что, евреев не любишь? – поинтересовался Сахаров. – Антисемит?

– Нет! – Воршавин присел от удивления. – Я нормальной ориентации, никакой я не семит.

– Ладно, проверял я тебя, вот и все. Ты по воинской специальности кто?

– Пулеметчик! – гордо подбоченился низкорослый воин. – Я с пулеметом в обнимку с четырнадцати лет, уж больше шести годков. Как заступил к своему батю вторым номером, так с ПК не расставался.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать! Я ж из донецких, как у нас все началось, мы с батей сразу же в ополченцы подались, мамки у нас давно не было, дома ничего не держало. Батя сразу понял, что там хоть кормить будут, пил он сильно. Ну а мне в школу не ходить, так вообще сплошная радость. Лучше с пулеметом в окопе, чем на первой парте сидеть перед математичкой. Мне эта школа поперек горла!.. – паренек рубанул ладонью по горлу, показывая уровень своего недовольства средним образованием.

– А батя твой где? В партизанах остался?

– Нет, батю убили, вот я с тех пор при пулемете. Так и вырос, а куда мне идти? Когда все началось, я как раз приехал в Крым к другу погостить, так я в партизаны подался. А вы из кадровых военных? Давайте я вас с командованием нашего отряда сведу, у меня в Изобильном связной. Если объединиться, то мы таких дел можем наворотить, что украм и туркам жарко придется!

– Не сейчас, у нас свое задание, вот его выполним, и тогда можно будет и в партизаны податься, а пока рано. Ты мне лучше скажи: в лагере все такие квелые, как эти доходяги? – кивнул я в сторону освобожденных пленников.

– В большинстве своем да! – после секундного раздумья ответил парень. – Всех, кто был более решительный или взят в плен в бою, давно расстреляли или замучили до смерти, а вот таких набрали из окрестных сел, чтобы партизан страшать. Если рядом с каким-то из населенных пунктов происходит диверсия, то туда сразу привозят таких вот заключенных и прилюдно расстреливают. Стращают! Но все равно есть такие, у кого нет ни родни, ни боязни перед врагом. Планируете захватить лагерь? Это правильно! А этих вот, – Бамут показал на сидевших на земле заключенных, – надо поставить перед выбором: либо идут в партизаны, либо расстрел!

– Даже так? – искренне удивился я такой кровожадности. – А не слишком ли круто? Они все-таки свои.

– Свои-то они свои, но тут такое дело, что им, чтобы не навлечь беду на своих односельчан, только одна дорога – напрямик к карателям на поклон с повинной и подробным рассказом, что они не виноваты в своем освобождении. Вот сами и думайте: что с ними делать?

– Я могу выделить несколько человек для их охраны, – подал голос Рыжиков. – Как закончим наши дела, так их и отпустим по домам. Тогда ведь уже будет безразлично, что они о нас узнали. Верно?

– Ага, – раздраженно хмыкнул я. – Чтобы охранять сотню мужиков в чистом поле, надо как минимум сорок человек охраны, чтобы они могли сменять друг друга и хоть временами отдыхать. Так что охрана это не вариант.

– Ну не расстреливать же их? – лицо Рыжикова пошло багровыми пятнами. – Вы в своем уме? Это же свои! Мирные гражданские!

– Будем решать проблемы по мере их *наступления*, – решил я. – Воршавин, держись рядом со мной, как захватим лагерь, получишь пулемет. Рыжиков, а ты собери пока бойцов, я перед ними для поднятия настроения и боевого духа речуху толкну. Пока пойду с последним пленным перекинусь парой слов, – я достал из ножен короткий нож. – Бамут, Сюткин, за мной.

С пленником решилось все быстро. Пленный украинский вояка – щуплый парнишка лет двадцати пяти, с бледной кожей, засаленными волосами, которые слиплись в длинный оселедец на затылке. Парень сейчас дрожал от холода и кутался в собственную куртку. Ботинки с него сняли, ремень на брюках срезали, молнию на куртке сломали. На бледной коже босых ступней выделялись темно-синие татуировки – трезубцы. Из идейных, что ли?

Я вкратце объяснил, что мне от него надо, пообещал, что лично его убивать не буду, и пленный тут же согласился заманить своих собратьев по оружию в нашу ловушку. Чтобы сковать железо, пока оно горячо, протянул пленному его мобильный телефон и приказал тут же позвонить своему командиру.

– Пан командир, це Антон, дядько, з яким ми поїхали, він насправді не вантажить цеглу для будівництва, вони тут, в Любимівці, грабують багаті будинки, – боязливо косясь на нож и читая по бумажке, затараторил пленный. – Три вантажівки забили вже всяким добром, мені хабар запропонували, я, взяв, але вирішив вам зателефонувати. Тут стільки всього цінного: електроніка, меблі, побутова техніка, джип! Беріть всіх наших і приїжджайте швидше, відберемо все у них і собі заберемо. Куди їхати? На краю села, ближче до моря, чотири окремо стоять будинки з червоним дахом. Ви самі побачите – три вантажівки «Тонар» з синіми причепами. Гарзд жду!

– Он сказал, чтобы я вышел навстречу и встретил их, – со мной пленный разговаривал на чистом русском языке.

– Я слышал.

– А вы меня правда не убьете? – с явной надеждой в голосе в очередной раз спросил пленник.

– Как и обещал, лично я не убью, – задумчиво произнес я.

– А можно я его автомат себе заберу, – осторожно, как бы пробуя слова на вкус, произнес Воршавин.

– Нет, – отрезал я. – После штурма лагеря получишь оружие. И смотри мне, если что пойдет не так, пристрелю!

– Не доверяете? – хмыкнул парень. – Это хорошо, доверчивые долго не живут, с таким командиром, как вы, можно воевать!

– Личный состав построен! – хмуро доложил подошедший Рыжиков.

– Бойцы! Сейчас мы с вами пойдем в бой. Наша задача – уничтожить три объекта: концлагерь, расположение добровольческого батальона, где кучкуются нацики и фашисты, и аэродром, на котором стоят турецкие беспилотники и итальянские вертолеты. Ясно? В нашем отряде все не просто добровольцы, те, кто самостоятельно принял решение идти за линию

фронта, здесь только те, у кого есть личный счет к врагу, те, у кого погибли родные и близкие. Мы здесь для того, чтобы мстить, чтобы враг понял, что на нашей земле ему никогда не будет спокойной жизни. Мы будем не просто воевать, мы идем убивать и мстить. Никакой пощады!

Закончив пламенную речь, обвел взглядом строй бойцов, стоявших передо мной. Молодые парни, многим нет еще тридцати. Лица сосредоточенные, хмурые и напряженные. Почти всем страшно.

Страх – это естественная реакция организма на опасность для своей жизни. Но можно ли избавиться от страха на войне? Можно ли преодолеть это крайне мерзкое чувство, когда парализуется воля, сознание, сковываются руки, ноги становятся ватными и сами собой подламываются? Можно, но для этого надо пережить свой первый бой, убить своего первого врага, и тогда ты уверуешь, что избранный, пули тебя не берут. Но это ровно до первого ранения, и вот тогда, когда впервые прольется твоя собственная кровь, тогда и придет настоящий *страх*. Именно он и ломает бывалых воинов.

– Красиво сказал, одухотворенно, – похвалил Сникерс, вырвав меня из пелены размышлений. – Будешь? – он протянул мне вскрытый пакет с паштетом.

– Нет, не хочу, – отмахнулся я. – Пошли, проверим позиции.

Наши позиции были надежно замаскированы и состояли из трех уровней. Первый – несколько наиболее опытных бойцов, которые должны были захватить тех, кто придет на «Хаммере», то есть командование концлагеря, второй уровень – шесть ПКМ, четыре РПК и восемь автоматчиков, ну а если каким-то чудом врагу удастся вырваться из второго круга засады, тогда их ждет внешний контур – РПГ и РПО. Их просто сожгут.

– Из гнезда выпорхнули два тетерева, один дятел и бобер, – доложила рация голосом Метлы, оставшимся в дозоре возле концлагеря. – Сколько тетерева несут птенцов – не видно, дятел несет троих, на бобре сверху никого нет.

Хоть наши переговоры и были защищены цифровым кодированием, но все равно привычка – девка въедливая, она заставляет разговаривать в эфире иносказательно. Из ворот концлагеря выехали «Хаммер», в котором сидят трое, два тентовых «Урала» и «бардак», у которого на броне никого не было.

Сколько же может быть всего бойцов противника? Минимум отделение – десять-одиннадцать человек, максимум взвод – двадцать пять – тридцать бойцов. БРДМ – это, конечно, хоть какая-никакая, но бронемашина, и спарка из КПВТ и ПКТ – серьезный аргумент, но если что, сожжем к чертям собачьим!

Я связался с отделением лейтенанта Тонкина, они прикрывали ложбину, по которой могла поехать вражеская колонна, и предупредил о готовности номер один.

– Стрелки, по сигналу работайте самостоятельно! Приготовились! Команду подам голосом, через громкоговоритель, – приказал я бойцам со снайперскими винтовками в руках.

Метрах в двухстах показалась передовая машина вражеской колонны. Засаду мы обустроили в пяти километрах от концлагеря. До основной дороги, по которой перемещались вражеские патрули и шло хоть какое-то движение, было около километра, место нашей засады прикрывали чахлые и куцые посадки. Надо работать быстро и желательнее всего малошумно. Идеально взять их без единого выстрела. Есть такой вариант. На камуфляже моих бойцов были желто-голубые опознавалки, а на спинах прицеплены липучки с надписью «СБУ».

В одном месте грунтовой дороги было разлито целое море в виде глубокой лужи, которую справа обходили следы объезда. Там в колее лежал поваленный бетонный столб. Мы с этим столбом возились минут сорок, раскачивая его, чтобы падение выглядело натуральным. Но ничего, справились, раскачали и точно на колею завалили.

БРДМ-2, идущий первым, замедлил ход, попробовал вильнуть вправо, потом влево, но все-таки повел правее и, прибавив газу, рванул через лужу. Следом шел «Хаммер», он замед-

лился, а потом и вовсе встал. Видимо, водитель не был таким отчаянным гонщиком и решил вначале посмотреть, как «бардак» преодолеет водную преграду.

– Начали! Всем внимание! Работает СБУ! Кто дернется, пристрелим к чертям собачьим! – закричал я в микрофон; мой голос, усиленный портативной колонкой, разнесся по округе металлическим басом.

Бахнули несколько небольших взрывов светомуховых гранат. Трое разведчиков, прячущихся на обочине, в паре метров от «Хаммера», выскочили как черти из табакерки и дернули двоих пассажиров из американского внедорожника. Тут же заработали четыре пулемета, взрыхляя землю длинными очередями между мордой «Урала» и задницей «Хаммера».

– Ваш командир арестован по обвинению в шпионаже в пользу москалей! – весело крикнул я в динамик. – Сдавайтесь, вам ничего не будет! Сдавайтесь! Выйти из машин с поднятыми руками, оружие перед собой на землю! У меня приказ: при сопротивлении – уничтожить! Сдавайтесь!

– Псих! Псих! – шептал мне в ухо Сникерс. – Надо же на украинском говорить! Забыл?

Точно! Надо же на великой мове разговлять. От волнения и внезапно нахлынувшего охотничьего азарта я совсем забыл об этом. Ну ничего, сейчас я им объясню на международном наречии всех славянских языков:

–гребаные пиндосы, если через минуту не выйдете из машин, взорвем всех к чертям собачьим!! – прокричал я.

Из «Уралов» выпрыгнули водители и пара солдат, из кузова никто не вылез. В БРДМе открылся люк, и наружу вывалился солдатик в черном комбинезоне, он, высоко задрав руки, побежал напрямик через лужу в нашу сторону. Башня «бардака» крутанулась и повернулась в нашу сторону.

– Е... в него бронебойным! – приказал я стрелку, вооруженному винтовкой В-96.

Бах! Бах! Крупнокалиберная винтовка рывкнула два раза, тяжелые пули легко пробили тонкую броню «бардака» насквозь. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения вражеских бойцов, почти все из них побросали свои автоматы и бухнулись на колени, высоко задрав руки над головой.

Выбравшись из укрытия, мои бойцы быстро спеленали вражеских солдат, обыскав их предварительно. Машины тоже досмотрели, не найдя в них ничего интересного. Всего было захвачено десять человек, одиннадцатый, тот, что вертел ручками, поворачивая оружейную башню «бардака», так и остался внутри бронемашины с развороченной грудной клеткой. Пуля калибра 12,7 миллиметра, попадая в цель, не оставляет шансов на выживание.

После пленения мы тут же увели захваченную колонну в укромное место, где пленные были допрошены и почти все расстреляны. В живых оставили только начальника концлагеря. Расстрел проводился под объективами нескольких мобильных телефонов, при этом бойцы, попадавшие в камеры, носили знаки отличия турецкого спецназа. Я даже на заднем фоне рывкнул пару команд на турецком языке.

Трупы перевезли в другое место и разложили возле одного из «Уралов»; отсняли еще несколько минут кинохроники.

Потом мертвые тела погрузили в кузов грузовика, они нам еще пригодятся.

– Крылов, вы что, совсем псих? Зачем вы фиксируете это на камеру. Вы извращенец! – накинулся на меня Рыжиков во время съемки. – Если при обыске вашего трупа найдут этот телефон, то это... это...

Рыжиков вновь не нашел нужных слов, чтобы рассказать мне, что же тогда это будет. Станный он какой-то, слишком правильный и интеллигентный для боевого офицера. Но ничего, если не убьют, то война быстро его «исправит».

– Лейтенант, ты хоть начал бы материться, что ли, – посоветовал я, – если не хватает слов, то мат – верная палочка-выручалочка, поверь мне. Рыжиков, отойдем в сторонку, я тебе поведаю еще одну, скрытую от остальных, *цель нашего задания*.

Глава 6

Пленный начальник лагеря сидел, прислонившись к камню, связанный по рукам и ногам, с мешком на голове.

– Короче так, москальска пыка! – жарко выдохнул я ему в лицо. – Нам известно, что ты процюешь на москалю. Доказів у нас багато! Твои подчиненные во всем признались, так что тебе гаплык! – Я что есть сил ткнул ему в бок.

Пленный дернулся и яростно замычал. Говорить ему мешал кляп из грязных носков. Я пнул его раз, потом еще и еще. Пленный мычал и извивался под ударами. Было ли мне его жалко? Нет! Он враг, он пытал и убивал моих соотечественников. Чего мне его жалеть? Думаете, я бью и пинаю, потому что псих и живодер? Думаете, мне это доставляет удовольствие? Нет, мне не нравится то, что я сейчас делаю, но кто-то должен подготовить пленного, довести его до нужной кондиции, изображая эсбэушника. Экзекуция продолжалась полчаса, за это время пленный был хорошенько избит, но при этом его лицо ни капельки не пострадало. Нам его мордашка еще нужна!

В ходе допроса в голову начальника лагеря была буквально вбита мысль, что он попал в руки сотрудников СБУ по подозрению в шпионаже в пользу РФ, и у него есть только одна возможность избежать расстрела на месте – это скрытно провести нас на территорию лагеря и без лишнего шума и суеты пленить нескольких охранников, которые были кадровыми сотрудниками ГРУ. И пусть со стороны любому здравомыслящему и адекватному человеку вся эта легенда могла показаться лишеной смысла и полной чушью, но как не единожды проверено на практике, современные украинские «патриоты» настолько отупели от собственной пропаганды, что сами верят в дикую чушь, наподобие бурятских конных водолазов, которые в четырнадцатом году на своих танках с бреющего полета атаковали украинские позиции.

Через час кавалькада из четырех машин – «Хаммера», двух «Уралов» и грузовика «Тонар» – подкатила к воротам концентрационного лагеря. БРДМ я оставил в близлежащей балке, чтобы в случае чего прикрыть наш отход. А то черт его знает, как оно все повернется.

За рулем «Хаммера» сидел Глюк, рядом с ним Метла, сзади я, пленный начальник лагеря и солдат по фамилии Вилкин. За «Хаммером» следовали два «Урала», в кузове каждого разместились по двенадцать вооруженных до зубов бойцов. «Тонар» на территорию лагеря решили не загонять, оставили снаружи на случай прибытия подмоги к лагерной охране – он был нашей первой линией обороны. Толстенный металл кузова надежно защищал сидящих там бойцов от любого вида легкого стрелкового оружия.

Ворота главного и единственного КПП лагеря распахнулись заблаговременно; колонна из трех машин беспрепятственно вкатила на территорию.

«Хаммер» на минуту замер перед вагончиком контрольно-пропускного пункта, начальник лагеря, перегнувшись через меня и упираясь пузом в ствол моего пистолета, важно бросил:

– Негайно викликати весь особовий склад на плац! На збори п'ять хвилин, хто не встигне, отримає три доби гауптвахти!

Как только приказ был выполнен и донесен до подчиненных, «Хаммер» продолжил свой путь.

Из последнего «Урала» выпрыгнули несколько солдат, переодетых в трофейный камуфляж. Их задача – зачистить наряд на КПП. Помимо ножей в их арсенале было и бесшумное оружие – ПБ и АПБ. Справятся, ребята там резвые!

Выстроившиеся в две шеренги охранники лагеря опасливо косились на меня и Глюка, которые в сопровождении закованного в наручники Бамута важно ходили вдоль строя. Пройдя вдоль строя несколько раз, донбасец шепнул мне на ухо, каких по счету солдат в строю надо вывести первыми. Я ткнул в указанных бойцов пальцем, и охранники, понуро наклонив

головы, в сопровождении моих бойцов двинулись в сторону административного корпуса. Через десять минут я выбрал еще десять охранников, и их тоже отконвоировали в административный корпус, а еще через двадцать минут вслед за первыми двумя группами увели и оставшихся вражеских солдат.

Шах и мат!

Заняв все караульные вышки и посты, я вызвал по рации Рыжикова и приказал оставшимся бойцам под его командованием выдвигаться в нашу сторону. Через сорок минут на территорию лагеря их доставили в кузовах двух «Тонаров». Финальная часть операции по бесшумному захвату лагеря заняла меньше часа.

В административном корпусе был небольшой актовый зал, ряды скамеек были сдвинуты в один угол, а на полу лежали человеческие тела. Бывшие охранники были надежно связаны и обездвижены. Здесь были все, включая и начальника лагеря. Он наконец сообразил, что мы никакие не сотрудники СБУ, а вовсе наоборот – российские диверсанты.

– Значит так, господа бандеровцы, жить вам осталось совсем немного, и вариантов выжить у вас почти нет, а точнее, есть только один – доказать, что ваша жизнь представляет ценность для нас, – произнес я строгим голосом. – Поэтому сейчас каждый из вас должен хорошенько подумать и решить, какими сведениями он может с нами поделиться, также ценность представляет то, есть ли у вас контакты со СМИ. Так что, если у кого-то в мобильнике есть номера телефонов знаменитых журналистов или блогеров, то у вас есть шанс выжить. Ясно?

– Гэт в дупу, клята москальска пыка! – злобно прошипел один из охранников.

Я подошел к лежащему на полу мужику. Здоровый бугай, с мощным затылком, накачанной шеей и буграми мышц. Наручники на его запястьях не сошлись, поэтому он был связан веревками. На затылке татуировка штрихкода, выполненного в виде трезуба. Хитмен хренов!

– Этот верзила – извращенец и скотина, который любит мучить людей. Он и еще несколько таких же тварей пытали заключенных и издевались над ними, они так деньги вымогали из родственников. Бывало, вместо денег они требовали секс-услуги от родственниц задержанных, – прокомментировал Бамут. Донецкий пулеметчик успел переодеться и вооружиться трофейным автоматом «Форт-221».

– И много среди них таких тварей? – поинтересовался я.

– Хватает. Осталось пятеро, было еще двое, но они уже свое получили. Можно мне его рассчитать лично?

– Позже.

Услышав концовку нашего разговора, здоровяк испуганно притих. То ли у пленных проснулась совесть, то ли на них так наш разговор с Бамутом повлиял, но уже через пару минут многие из них выказали желание активно сотрудничать со следствием. Оставив пятерых бойцов и лейтенанта Тонкина работать с пленными, я пошел искать Рыжикова и Сникерса. Они должны были сейчас готовить план по захвату добробата. Заодно надо было провести ревизию захваченных трофеев.

Рыжиков, Сникерс и командир второго взвода старший прапорщик Завьялов, к слову, самый старший боец в нашем отряде, ему было пятьдесят два года, склонились над самодельной схемой расположения добробата. Рядом на столе стояла пепельница, полная окурков, и початая бутылка польской водки «Смирнофф».

– Ну что, как успехи? – спросил я.

– Нормально, – отозвался Рыжиков. – Вот думаем, сейчас атаковать или дождаться ночи. Можно внахаловку въехать к ним на территорию на грузовиках, тем самым отвлечь удар с двух сторон. Вот здесь, – Рыжиков показал на схеме, – есть тропинка от лагеря к добробату, значит, мин там нет. С этой стороны в заборе калитка, а у добробатовцев там вообще нет части забора. По-любому ходят друг к дружке в гости. Ну а с другой стороны, как доложила наша разведка, у них тоже есть прорехи в минном заграждении, было видно, как там пасут овец.

– У них там что, даже овчарня есть? – поразился я.

– Ага, а еще коровник и свинарник. Они же у местных скотину тырят, а потом по чуть-чуть ее съедают, – объяснил Сахаров. – Живут на подножном корме. Водку будешь?

– Нет, – отмахнулся я, – и ты бы сильно на нее не налегал. Где, кстати, взял? – спросил я, рассматривая этикетку на бутылке.

– В подсобке нашли шесть ящиков водки и пару канистр с коньячным спиртом. Наверное, волонтерская помощь. Мы на их складе много интересного нашли. Судя по биркам и шильдикам на найденном добре, хохлам вся Европа помогает.

– Ну, так что вы скажете насчет плана штурма? – Рыжиков нетерпеливо перебил Сахарова.

– План хорош, но мы его немного доработаем. Сникерс, сейчас загружаешь в «Ниву» всю водку и коньяк, также возьми еще чего-нибудь из закуси и дуй к добробатовцам, чтобы выменять все это на грузовик или танк. Короче, там, на месте разберешься, понял? Твоя задача – спойть как можно больше народу. В идеале часть вояк под каким-нибудь предлогом увести из расположения. Понял? Согласуй место с Рыжиковым, где будет их ждать засада. Старлей, ты будешь старшим в засаде; по дороге осмотришь вот эти две точки, – я ткнул пальцем в его карту. – Надо решить, где мы устроим засаду на те части, которые выдвинутся на подмогу добробату. На месте решай, что эффективней – минировать там все или устроить «огненный мешок». Понял? Пока тебя не будет, старшим здесь назначается Завьялов. Ясно? Ну, тогда выполнять!

– Почему вы хотите меня убрать отсюда? – нахмурившись, спросил Рыжиков.

– Олег, – впервые я обратился к старшему лейтенанту по имени. – Я тебя хочу отсюда убрать, потому что ты еще не готов ко всем ужасам партизанской и диверсионной войны.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Мне надо переманить на нашу сторону освобожденных заключенных, потому что, как это и ни странно, сейчас из них всего лишь небольшое число готово идти с нами и воевать с врагом, который издевается над ними и их родными и близкими. Остальные не желают брать в руки оружие. Понял?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Рыжиков, – а как, по-вашему, негуманные методы скажутся на моральном состоянии наших солдат, вдруг для них это окажется стрессом, и они не смогут после этого воевать?

– Епта, ха-ха! – засмеялся Сникерс и тут же подавился водкой. – Тьфу ты, черт!

– Сказал же, хватит бухать! – двинул я Сахарова по спине. – Полегчало?

– Нормально, – откашлялся Пашка. – Насмешил ты меня, Рыжиков. Если бойцы не смогут воевать после того, как увидят расстрелянного врага, то как они тогда смогут воевать, когда увидят разорванного в клочья миной своего друга? А?.. Не смехи!

Я покинул комнату и пошел проверить захваченные трофеи, потом еще надо было проконтролировать освобожденных заключенных, которых сейчас разделили на небольшие группы и развели по разным помещениям. Дел было еще много. Пока мы находимся в более или менее спокойной обстановке, надо максимально этим пользоваться, потому что как только начнется активная фаза операции, будет не то что не до отдыха, а даже нормально подумать и спокойно проанализировать разведданные не получится, будем носиться, как ужаленные в задницу быки.

Из трофеев нам достались автоматы «Форт-221», они же израильские штурмовые винтовки TAR-21, калибра 5,56/45 мм, собираемые на заводе в Виннице. Судя по тому, что охрана лагеря была вооружена именно этими автоматами, они были на особом счету у своего начальства, а может, просто снабжение лагерников шло по особому принципу. Насколько мне было известно из данных, предоставленных на моем «секретном» планшете, эти автоматы не были

особо распространены в армии Украины. Помимо «Фортов» были еще обычные автоматы Калашникова: АКМ и АКС. Также нам достались ручники РПК и РПК-74, пулеметы Калашникова – ПКМ и крупнокалиберные ДШКМ, противотанковые гранатометы польского и болгарского производства – клоны РПГ-7.

Помимо самого вооружения в складе имелся приличный запас боеприпасов, сигнальных мин, бронежилетов, шлемов и прочего снаряжения.

Если оружие было в основном старого советского образца и его клоны, то снаряжение – импортного производства: американские, канадские комплекты обмундирования, испанские бронежилеты и шлемы, швейцарские аптечки, сухпайки трех разных производителей. Действительно, собирали со всего мира, тут география всего земного шара, были даже бразильская тушенка и норвежские рыбные консервы. А когда я увидел, что на комплектах зимней полевой формы указано, что они произведены в Австралии, то у меня глаза на лоб полезли. Где зима, а где Австралия?

Кроме тех машин, которые мы захватили, в автопарке лагеря были еще три «Хаммера», они же «хамви» – HMMWV, аббревиатура расшифровывается как «высокоподвижное многоцелевое колесное транспортное средство». После допроса пленных выяснилось, что на самом деле машины были на ходу, с них сняли часть оборудования, чтобы выдать за безнадежно сломанные и в скором времени списать и продать. Узнаю украинскую армию, здесь все делается только ради выгоды и получения прибыли. С этими тремя «хамви» провозились до самого вечера, но капризные американские драндулеты встали в строй.

После проверки и поверхностного допроса всех освобожденных пленных разделили на две неравные группы: первая – двадцать три человека, готовые вступить в наш отряд и воевать против врага, вторая – оставшиеся восемьдесят мужиков разного возраста, которые наотрез отказались брать в руки оружие. К этим восьмидесяти добавились и те девять, что мы освободили утром. Вот куда их теперь девать? Расстреливать? Нет, конечно, надо решать проблему по-другому.

Я оказался прав, охранники оказались редкостными выродками: в памяти их мобильных телефонов нашлось много компромата – ролики с пытками людей, отрезанием конечностей, издевательствами, избиениями и изнасилованиями. В актовом зале административного помещения был установлен большой экран, на него и было выведено видео с «развлечениями» охранников, и я заставил всех своих бойцов просмотреть его до конца. А потом еще и показал его освобожденным заключенным.

После просмотренного произошло несколько событий. Во-первых, в наш отряд записалось еще восемь человек, а во-вторых, пленные укропы тут же еще активней начали сотрудничать с нами. Накидали столько информации, что я заколебался заносить ее в планшет.

Помимо сведений, полученных от пленных, я скинул в память планшета и весь отснятый материал.

Правда, делал это не лично, а напрог для этого бойца Пшенкина, который Сюткин, назначив его главным по информационной борьбе. Сюткин оказался весьма опытен во всех этих информационных и сетевых технологиях; оказалось, что в мирное время он был успешным блогером с несколькими миллионами подписчиков. Так что я тут же объяснил, для чего мы снимали на видео все наши действия, переодевшись в турецкую форму. Поняв, что от него требуется, он, необычайно обрадовавшись, что может оказаться весьма полезен, тут же экспроприировал себе все смартфоны, планшеты и ноутбуки, до которых смог добраться, затребовал двоих помощников, а потом засел в одной из комнат административного корпуса, обложившись техникой по самые уши.

К вечеру все ценное было собрано и готово к отправке, всю трофейную технику, что была на ходу, подготовили к выезду. Освобожденных заключенных, что вызвались идти с нами,

равномерно распределили по взводам, вооружив и приютив их. Благо все оказались с опытом службы в армии, пусть и на обычной «срочке».

Те их собратья по несчастью, что побоялись брать в руки оружие, были усажены в кузов одного из «Тонаров» и отправлены в условленное с партизанами место. Пусть они сами с ними разбираются, нам сейчас не до этого. Вообще-то сопровождать бывших заключенных должен был Бамут, но по договоренности с партизанами «Тонар» обратно не вернулся бы, поэтому молодой пулеметчик наотрез отказался ехать.

Надо сказать, что такие бойцы, как Сюткин и Бамут, меня несказанно радовали. Молодые, в сущности, годятся мне в сыновья, а боевого задора и решимости больше, чем у меня. Им только опыта поднабраться, и выйдут из них знатные вояки. С таким молодняком мы любым врагам шею свернем!

Пока остальные бойцы отдыхали, я с командирами взводов и бойцами, имеющими опыт в управлении РСЗО, нарезал на карте координаты предстоящих целей. Нам надо было решить, как сподручней использовать добробатовские неподвижные «Грады». Изначально думалось, что мы отстреляемся по аэродрому из другой точки, ее расположение предполагало поражение еще одной, существенной цели, но теперь надо было решить, что важнее.

Сникерс уже три часа как пьянствовал с укропскими добровольцами, выменивая спиртное на танк.

К полуночи со стороны добробата стали раздаваться восторженные крики и пьяные завывания, а потом с их территории выехало несколько машин, наполненных пьяными и весело гомонящими вояками.

Ну вот, а это значит, что нам пора брать штурмом добробат. Неожиданно дождь сменился мокрым снегом, который белым ковром укрывал землю.

– Ну что, славяне, окропим снежок красненьким? – тихо произнес я, отдавая приказ к началу штурма.

Вереница бойцов, осторожно ступая след в след, потянулась за мной. Я повел группу по тропинке, ведущей от лагеря. Прапорщик Завьялов вел другую группу, которая должна была напасть с противоположной стороны. Отделение Метлы блокировало КПП добробата.

Пошла работа...

Глава 7

Накрученная на ствол автомата здоровенная труба пламегасителя не только отлично скрывала огненный хвост выхлопа при стрельбе, но и гасила грохот выстрела. «Калаш» дернулся несколько раз, несильно толкая в плечо – минус еще двое укров.

– Первый, у нас все. Прием! – прошелестела рация в кармане на плече.

– Принято. Молодцы. Выставь пикет на дальнем конце, и начинайте стягивать трупы на плац, – приказал я.

Замысел штурма добробата сработал на все сто процентов, мы захватили расположение добровольческого батальона, не встретив даже малейшего намека на сопротивление. Даже двое бойцов, стоящих в карауле на КПП, и те были вдрабадан угашенные от выкуренной травы, так любезно подаренной им милейшим другом всех укров – Пашкой Сахаровым, по кличке Сникерс.

На территорию добробата мы зашли с трех сторон: моя группа зачищала жилой корпус, группа Завьялова зачищала навесы с техникой и боксы, отделение Метлы контролировало КПП и подъезды к нему.

Жилой корпус добробата – это двухэтажное здание бывшего санатория, которое украинские добровольцы приспособили под свои нужды. Приспособили, надо сказать, очень скверно, внутри была грязница, по сравнению с которой некоторые свинарники выглядят приличными отелями. Вонючка стояла такая, как будто здесь жили не современные люди, а какие-то дикари, у которых табу на применение мыла и туалетной бумаги. Я реально пожалел, что не догадался надеть на себя противогаз. Он бы сейчас пригодился как нельзя кстати.

Первых бойцов противника мы встретили перед входом в здание: трое пьяных мужиков вяло пинали ногами своего сослуживца, выговаривая ему, что он, дескать, разговаривал с ними когда-то на москальской мове. При этом их совершенно не смущало, что сами они кричат и матерятся на том же самом ненавистном им языке. Их застрелила пара бойцов, идущих последними в нашей веренице. Несколько коротких очередей – и на земле лежит уже не один, а четверо. Смерть уравнила их языковые пристрастия, пусть теперь в аду решают, на каком языке отчитываться перед чертями!

Войдя в здание, сразу же разделились на две группы: первая, под моим началом, пошла чистить первый этаж, а вторая, под командованием сержанта Дыбова, по кличке Крест, выдвинулась на второй этаж.

Светя мощными фонарями и ослепляя попадавших на пути врагов, мы двигались вдоль коридора, поливая свинцом каждую комнату. Затворы автоматов стучали без умолку, время спрессовалось в густое желе, и за какие-то пару минут моя группа прошерстила все помещения и комнаты первого этажа.

На первом этаже было уничтожено сорок три вражеских солдата, на втором этаже, который считался «офицерским», – двадцать три украинских бойца, включая двух девок, которых там активно пользовали в свалке группового секса. Судя по татуировкам и крохам одежды на девах, они были такими же «добровольцами», как и остальные солдаты противника.

Брать пленных мы не планировали. Зачем они нам? Толку от этих добровольцев меньше, чем с козла молока. В современную украинскую армию набирают всех без особого разбора, им уже давно неважно количество судимостей и за что мотали срок призывники, и порой неважно психическое состояние тех людей, которым «Ненька» доверит защищать свои интересы. И если по каким-то причинам человека не взяли в армию и ему пришлось идти в добровольцы, то можно сделать соответствующие выводы о его психическом состоянии или моральных принципах. Поэтому нефиг жалеть этих добровольцев, в конце концов, это солдаты регулярной армии несут службу там, куда их пошлет Родина, а доброволец – птица свободная и едет туда,

куда ему тараканы в голове указывают, и если такой доброволец решил встретить свою смерть в Крыму, то почему бы ему не помочь.

В одной из комнаток, по размеру больше похожей на кладовку, застали двоих укропов. Поскольку дверь не открывалась, то ее подорвали гранатой, а потом еще одну и внутрь зашвырнули. То ли от взрыва, то ли они изначально были голые, но оба трупа, посеченные осколками, были полностью обнажены.

– Похоже, геи, – заявил один из моих бойцов, оглядывая трупы. – Вон одежда аккуратно сложена.

Я спорить не стал и отдал приказ выдвигаться на помощь группе Завьялова. Боксы для автотранспорта и навесы занимали намного больше пространства, чем жилой корпус, и укромных мест там было навалом, не хватало еще прозевать какого-нибудь укропа и получить потом очередь в спину.

Всю территорию добробата обыскали и зачистили за час с небольшим. Нашли еще несколько групп обдолбанных вояк, которые шкерились по углам, небольшими компашками распивая самогон или долбя косяк.

По итогу получилось, что в «минус» мы вывели сто двенадцать добробатовцев, еще двенадцать были вывезены Сахаровым в пьяном виде, и сейчас они, связанные, лежат где-то в укромном месте в ожидании своей участи. Жить им оставалось пару часов, как только операция вступит в активную фазу, их трупы сразу же дополняют общую картину.

До утра разбирались с захваченной техникой, надо было как можно больше машин поставить на колеса. Помимо этого, вывезли трупы украинских бойцов, погрузив их в кузов одного из «Тонаров». Их захоронят в общей могиле, чтобы создать видимость их пропажи в неизвестном направлении.

Уже под утро вызвал к себе командиров мобильных групп, ставя перед каждым из них возложенные на них задачи. Всего групп было шесть.

– Завьялов, – указал я пальцем точку на карте. – Выдвигаешься вот сюда со своей группой. Разместитесь скрытно, выставишь наблюдателей на вот этих направлениях. Ваша задача – вертушки или самолеты, которые прилетят к расположению добробата. Аэродромы у них здесь и здесь, с какого прилетят гости – нам неизвестно, но вы уж не прозевайте и скovyрните хотя бы пару машин. Людей поставишь цепочкой, чтобы была возможность отстреляться несколько раз. Потом отходите вот к этой точке. Здесь намечен общий сбор. В эфире общаться только условными фразами на турецком. Обязательно на месте засады оставить упаковки из-под сухпайков и коврики для молитв, пусть думают, что стреляли турки. Если до четырнадцати ноль-ноль никого в небе не будет, уходите на точку сбора. Ясно?

– Так точно, – отозвался прапорщик, отмечая что-то у себя в блокноте.

– Сытин, теперь тебе, – начал я, как только прапорщик Завьялов вышел из помещения. – Твоя задача – заминировать подходы к добробату. Минируем дорогу в трех местах. Здесь, здесь и вот здесь, – указал я места на карте. – Вот здесь, – я показал точку на карте, – оборудуете огневую точку для «зушки». Подрывы закладок дистанционно. Понял? «Зушка» будет работать последней. Лишних бойцов уберешь с позиции заранее, возле зенитки оставишь только расчет и машину, чтобы они эвакуировались. Вот здесь точка сбора. В эфире трепитесь, как хотите, желательно побольше мата и развязной речи, чтобы выглядело как будто вы пьяные и обдолбанные. Понял?

– Понял. Можно вопрос?

– Валяй.

– Мины ставим из расчета уничтожения живой силы или техники?

– Без разницы. Ты видел, с чем тебе работать, вот сам и решай. Кто примчится нейтрализовать пьяных добробатовцев – нам неизвестно, но хотелось бы выбить как можно больше украинских спецназовцев. Поэтому предпочтение – уничтожить побольше импортной техники, на

которой обычно разъезжают эсбэушники и наемники из западных частных военных компаний. Понял? На месте разберешься. Запомни только одно: в затяжной бой не ввязываться, отстрелялся издалека и отошел. И чтобы без потерь!! Потеряешь хоть одного бойца, я тебя лично вырублю и высушу! Еще есть вопросы?

– Никак нет!

Когда лейтенант Сытин, командир первого взвода, а по совместительству и главный сапер нашего отряда, вышел, в комнату зашел лейтенант Тонкин.

– Ильич, ну что у нас с «Градами»? Чем порадуешь?

– Особо не пораду, – вытирая промасленной тряпкой грязные руки, доложил лейтенант. – Машины можно только на буксире тягать, сами они не поедут. Отсюда мы по аэродрому отстреляться не можем, до ангаров с техникой два с половиной – три километра. Снаряды не встанут на боевой взвод. Поэтому их надо оттащить в поле на пару километров и стрелять оттуда. Заберем обе бээмки и по очереди оттащим их на снарке с «Тонаром», только надо будет кузов его тут оставить. Опять же непонятно, как их по земле волоочь, дожди идут уже черт-те сколько, земля превратилась в сплошное болото. А на дороге их тоже не оставишь, потому что она идет вдоль аэродрома, и мы ничего от этого не выгадаем.

– Но ведь дорога загибается вот здесь, – я показал на карте, – и уходит строго на юг. Давай вот на этом отрезке и поставим «Грады». Отсюда получается около пяти километров до аэродрома. Этого хватит?

– Вполне, – кивнул лейтенант. – Сколько надо залпов дать?

– А сколько успеете за двадцать минут?

– С учетом корректировки первого залпа, то три-четыре полноценных залпа успеем дать.

Нормально?

– Более чем, сколько останется неизрасходованных ракет?

– Около сотни.

– Их надо забрать с собой. Сможешь быстро разобрать один из «Градов», чтобы забрать с собой пусковые трубы?

– Хотите сделать партизанский вариант? Типа карманной артиллерии, как в свое время для вьетнамцев делали? С разборкой не обязательно заморачиваться, в боксах нашли несколько раздолбанных бээмок с целыми пусковыми блоками, я распоряджусь, парни снимут направляющие, и все провода, и пульта управления, что найдут. Но там стрельба возможна только «пистолетная», навесом, без прицела никак не получится.

– И не надо, – отмахнулся я. – Тебе задача ясна? Ильич, твой выход у нас основной, так что не подведи, надо, чтобы этот аэродром вместе с техникой и общагами перестал существовать. Понял?

– Так точно!

– Метла, – обратился я зашедшему следующим разведчику. – У тебя задача простая и одновременно самая сложная, ты и твои парни должны охранять группу бойца Пшенкина. Понял? Пшенкин у нас самый главный по работе с дезинформацией. От него сейчас очень многое зависит, и ему надо быть сразу везде и всюду. Возьмешь два «Хаммера» и мопед в кузов, и чтобы мотались между позициями, как белки в колесе. Сюткин будет все, что ему надо, снимать и фиксировать, а ты помогай. Ясно? Если все сложится, как надо, то от вашей работы будет больше пользы, чем от всех залпов «Градов» вместе взятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.